



Кирилл Кащеев

**Большая книга приключений
для ловких и смелых (сборник)**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кащеев К.

Большая книга приключений для ловких и смелых (сборник) /
К. Кащеев — «Эксмо», 2016 — (Детективное агентство «Белый гусь»)

«Клуб диких ниндзя» Круто выйти на татами и победить соперника в честном бою! Особенно на первом в твоей жизни чемпионате Европы! Мурка и Кисонька долго готовились к соревнованиям... Но не к коварному и внезапному нападению неизвестных. Одетые в черное «ниндзя» делают все, чтобы близняшки отказались от участия в чемпионате. К счастью, Мурка и Кисонька – не просто спортсменки, они сотрудники и совладельцы детективного агентства «Белый гусь». Распутывать заговоры девчонки умеют не хуже, чем выигрывать спарринги! «Снегурочка с динамитом» В детективном агентстве «Белый гусь» подобралась классная команда! У компьютерного гения Вадьки, сестер-спортсменок Мурки и Кисоньки и специалиста по финансам Севы есть все основания считать себя настоящими профессионалами, способными справиться с любым расследованием. А вот Катька... Девчонка младше остальных компаньонов, и иногда ей кажется, что ребята не принимают ее всерьез. Но, когда накануне Нового года прямо на ее глазах произошло похищение крылатого талисмана агентства, Катька поняла: возвращение боевого гуся теперь зависит только от нее.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кащеев К., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Клуб диких ниндзя	5
Глава I	5
Глава II	12
Глава III	17
Глава IV	22
Глава V	25
Глава VI	28
Глава VII	31
Глава VIII	34
Глава IX	38
Глава X	41
Глава XI	44
Глава XII	47
Глава XIII	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Илона Волынская, Кирилл Кащеев Клуб диких ниндзя. Снегурочка с динамитом

Клуб диких ниндзя



Глава 1 Какая нога задняя?



Раздался сочный звук удара, хриплый, захлебывающийся вздох...

– Голова отвалилась! – с подлинным бешенством выкрикнул мужской голос. – Не нужна тебе голова!

Удары пробарабанили снова – дам-дам-дам! – послышался короткий задыхающийся стон, оборвавшийся мучительным всхлипом...

– Теперь руки отпали! – В мужском голосе звучала горячая, как лава, ярость. Удары возобновились снова. Какое-то время были слышны только они да еще тяжелое дыхание, то и дело срывающееся на задушенное подвывание загнанного животного.

– Зад вывалился и торчит непонятно куда. И подбирать его, кажется, никто не собирается, – уже без всякой ярости, с покорной мрачностью профессионального патологоанатома объявил неизвестный мужчина. Удары посыпались с такой частотой, что тот, второй, потерявший уже голову, руки и попу, должен был вообще развалиться на кусочки.

– Ну ты проснешься когда-нибудь? – В голосе избивающего слышались уже чуть ли не слезы. – Я его луплю, а он продолжает спать! И заднюю ногу подбери! Что она у тебя болтается, словно хвост!

Вадька Тихонов задумчиво поглядел на свои ноги. Раньше он думал, что у него одна нога левая, а вторая – правая. Но которая из них задняя? Утешает лишь одно – хвоста у него точно нет.

– Хво-ост! – немедленно донесся из-за дверей все такой же яростный вопль. – Вы что думаете, если я не смотрю, так я уже и не вижу? Что ты там хвостом своим трясешь? А ну, быстро хвост втянуть, голову подобрать, руки к голове, а ногу поднять! Выше бедра ноги, выше должны идти! И пошли, пошли, не спать!

Вадька дернул дверь. Он догадывался, что, наверное, входить нельзя, но выдержать дольше был просто не в состоянии. Он должен увидеть, как можно ходить на ногах, которые сами ходят выше бедра? И кто умудряется при таких условиях еще и спать!

Не спал никто. Во всяком случае, с Вадькиной точки зрения. Наоборот, фигуры в белых, перетянутых цветными поясами кимоно стремительно перемещались, то наскакивая друг на друга, то уклоняясь. Кроме одной девчонки, которая, стащив с рук округлые, как мячи, боксерские перчатки, распустила завязки шлема и теперь заталкивала под него выбившийся хвост ярко-рыжих волос. Головы, руки, ноги и другие части тела тоже у всех оказались на месте. Но тут же Вадьке было доступно разъяснено, что он просто ничего не понимает в этой жизни.

Крупный мужчина, облаченный в кимоно, издал сиренообразный вопль.

– Черепахи! – с уже знакомыми интонациями орал он. – Черепахи на татами!

Вадька вздрогнул и уставился на мягкое пружинящее покрытие пола, невольно отыскивая взглядом черепах, которые невесть каким образом заползли в зал и теперь неспешно лазают под ногами у бойцов.

– Вы, вы – черепахи! – уточнил кричавший, продолжая методично отмолачивать то кулаками, то ногами мелкую фигуру в кимоно, болтавшуюся под этими ударами, как лист на ветру. – Не работаете, а спите! Головы тут, похоже, никому не нужны, никто голову не защищает! Быстро все – отработали удар и вернули руки к голове!

Вадька успел заметить, как бойцы торопливо вскинули упакованные в перчатки руки повыше. И зал снова наполнился сосредоточенным движением и гулками тяжелыми хлопками ударов. Бойкий сквознячок прошелестел от распахнутого окна в приоткрытую Вадькой дверь, гоня ему в лицо крепкий запах пота.

– Кто там в дверях застрял – давай или туда, или сюда, – не оборачиваясь и продолжая обрабатывать короткими ударами своего уже вконец измочаленного и почти не сопротивлявшегося противника, бросил тренер, подтверждая, что если он не смотрит – это и впрямь не значит, что он не видит. – Хочешь поглядеть, садись на лавку и сиди тихо!

Первым порывом Вадьки было нырнуть обратно в коридор, но потом он все-таки передумал и, стараясь не наступать ботинками на татами, скользнул вдоль стенки и пристроился на уголке длинной низкой скамеечки. Среди непрерывно перемещающихся и то и дело натыкающихся друг на друга пар бойцов нашел глазами одну-единственную девчоночью. Попытался понять, кто из них Мурка, а кто – Кисонька, но бросил это занятие. Сейчас в одинаково мятых и пропыленных кимоно, да еще под глухими защитными шлемами, из прорези которых разве что посверкивали одинаково азартные зеленые глазищи, различить близняшек было совершенно невозможно. Вадька хотя бы попытался понять, кто из них побеждает, но и это оказалось невозможным – движения сестер были словно стремительный танец атак, отходов, уклонений, снова атак...

– Так, всем – ямэ! – отступая от своего полуживого противника, выкрикнул тренер, и все пары немедленно остановились, быстро и четко кланяясь сопернику.

Тренер и измочаленный им мальчишка тоже коротко поклонились друг другу. Зажав под мышкой содранные с рук перчатки, мальчишка потянул с головы шлем – и глазам Вадьки предстала мокрая и красная, как из-под горячего душа, физиономия его старого, но совсем не доброго знакомого Ромки Лаврова. Вадька немедленно помрачнел. Как-то подзабыл он, что Ромка по-прежнему ходит в ту же секцию рукопашного боя и видится с Муркой три раза в неделю – почти так же часто, как и сам Вадька.

– Сэйдза дзэн! – бросил тренер странную фразу, но все, кроме Вадьки, ее отлично поняли. Мальчишка едва успел пригнуться – в его сторону полетел настоящий град шлемов и перчаток. Чуть-чуть не долетев до скамейки, поток снаряжения красно-черно-синей мозаикой осыпался у его ног. А бойцы рванули в угол зала и после короткого мгновения суеты «высадились» в шеренгу у стены. Именно высадились, а не выстроились – на коленях, с упертыми в бедра кулаками.

– Доджо-рэй! – выкрикнул тренер.

– Осс! – дружно рывкнули его бойцы и, сохраняя совершенно прямые спины, согнулись в «сидячем» поклоне.

– Сэн-сэй-ни-рэй!

– Осс! – Из десятка глоток вырвался еще более дружный рев, поклон повторился.

– Тренировка окончена, все свободны, – коротко бросил тренер. – Косинские и Лавров остаются.

Шеренга сорвалась с места. На бегу подхватывая раскиданные по татами шлемы и перчатки, бойцы бурным потоком вывалили в коридор. Слышно было, как захлопала дверца раздевалки, где-то побежала вода, вскипел гомон возбужденных голосов...

– Дверь за собой закройте, – не повышая голоса скомандовал тренер.

Дверь захлопнулась словно сама собой – радостный гомон коридора будто отрезало. В зале воцарилась глухая и неприятная тишина. Три растерянные фигурки – рыжеволосые, похожие друг на друга, как две капли морковного сока, девочки и распаренный уставший мальчишка – неловко переминались посреди опустевшего зала. Теребя подернутый сединой ус, тренер обвел тяжелым взглядом всех троих.

– Обе кошки, брысь на лавку, – так же негромко приказал он, и Мурка с Кисонькой сорвались с места. На лицах их было написано острое облегчение, будто их зубной врач из своего кресла отпустил. На Вадьку дохнуло жаром разгоряченных тел, и девчонки плюхнулись по обе стороны от него. Он открыл рот, собираясь заговорить, но Мурка торопливо и слегка даже испуганно покачала головой, и Вадька покорно умолк.

Ромка стоял посреди пустого татами – один-одинешенек. Напротив него, скрестив на груди руки, возвышался тренер и сверлил мальчишку взглядом. И молчал. Под этим взглядом Ромка сперва начал неловко перетаптываться, словно татами жег ему босые ноги. Потом

завертелся, мечтая отвернуться, но не осмеливаясь. А тренер продолжал просто смотреть. Не отрываясь. В звенящей, сокрушительной тишине.

Вадька вдруг понял, что несчастный Ромка сейчас упадет. Просто-напросто свалится, вмятый в пол давящей силой этого взгляда. Коленки у Ромки и правда дрогнули, подгибаясь... И только тогда тренер заговорил.

– Ты что же такое творишь... – тихим-тихим, свистящим шепотом выдохнул он, – чемпион? – Последнее слово было исполнено такого презрения, что... лучше бы он ругался. Самыми грязными словами.

Физиономия Ромки еще сильнее покраснела, хотя, казалось, куда уж... Он опустил голову, внимательно разглядывая квадраты татами под ногами.

– Ну, на прошлой тренировке ты болтался, как сопля, а не работал – ладно, я молчал, со всеми бывает, – не повышая голоса, продолжал тренер. – А сегодня – снова? Лавров, что с тобой? Ты мне тут не молчи, ты отвечай, когда тебя спрашивают!

– Ничего, – нагибая голову еще ниже, пробормотал Ромка.

– Ты не атакуешь, ты не держишь удар, ты не уклоняешься, – сильно напирая на каждое «не», перечислял тренер. – Ты что себе думаешь?

– Ничего, – так же шепотом выдохнул Ромка.

Тренер возмущенно уставился ему в склоненный затылок.

– Правда, Ромку с предыдущей тренировки как подменили. – Муркин шепот зашекотал Вадьке ухо. – Удары пропускает, в атаке – никакой! Пацаны – первый год занимаются – лупят нашего чемпиона как хотят!

– Тебе-то какая разница, – буркнул Вадька. Не желал он слушать о проблемах чемпиона Ромочки! И еще больше не хотел, чтобы Мурка о них говорила!

– Как это – какая? – Мурка аж отпрянула, окидывая его возмущенным взглядом. – Последняя тренировка перед чемпионатом, нам через два дня ехать! Это же не «область» какая-нибудь! Это Европа! А Ромка в спаррингах плывет!

– Может, он в пловцы переквалифицировался! – огрызнулся Вадька. – Чего ты ко мне-то пристаешь с его проблемами?

– Потому что к нему мы пристать никак не можем, – вздохнула с другой стороны Кисонька. – Мы с ним после того дела с похищениями не разговариваем.

Про «то дело с похищениями» Вадька знал отлично. Первое профессиональное дело детективного агентства «Белый гусь», когда их компания – Вадька, его сестра Катька, главный финансист агентства Сева и Мурка с Кисонькой – разоблачила похитителей детей¹. Среди похищенных малышей был лишь один довольно взрослый парень – этот самый Ромка Лавров. И именно Вадька тогда вычислил, что Ромку никто не похищал – изобретательный пацан похитил себя сам, чтобы выманить у родителей десять тысяч долларов. Впрочем, имелись у Ромки и смягчающие обстоятельства – ему, талантливому бойцу, признанному чемпиону их области, деньги нужны были как раз на рукопашный бой, на участие в чемпионате. А Ромкина мать, которую все сыщики агентства искренне считали жутко противной теткой, собиралась потратить их на парижские шмотки. Но все эти оправдания симпатий к Ромке не прибавляли.

Тренер глядел на Ромку со странным выражением лица – точно решал, то ли дать ему по упрямо согнутой шее, то ли в стиле заботливой бабушки присесть рядом на корточки и заворковать, заглядывая в лицо. После недолгой внутренней борьбы он выбрал нечто среднее.

– Парень, ты что, так чемпионата боишься? – понизив голос до предела, спросил он.

¹ Читайте об этой истории в книге И. Волынской и К. Кащеева «Карамелька для вампира». (Прим. ред.)

Не поднимая лица, Ромка мотнул головой, и Вадьке даже показалось, что он вот-вот разревется.

– Ничего я не боюсь!

– Ничего, – повторил тренер. – А делать ты что собираешься? Тоже ничего?

Ромка не ответил.

– Вот и будет у нас вместо золотых медалей – сплошное ничего, – заключил тренер. – Иди домой, Лавров. Свободен.

Подхватив со скамейки свою сумку, тренер направился к дверям.

– А мы? Нам что делать, сэнсэй? – вслед ему растерянно спросила Мурка.

Тренер на мгновение остановился, кинул на нее короткий взгляд через плечо:

– Ничего. – Он с досадой махнул рукой и вышел.

– Ничего себе! – растерянно опускаясь на скамью, охнула Мурка.

Вадька увидел, как у Ромки мелко вздрагивают плечи.

– Плачет! Ей-богу, плачет! – с чуть брезгливым удивлением охнул он.

– Ну и что? – пожалала плечами Мурка. – У нас тут часто плачут. Особенно мальчишки. От боли, если заехали случайно куда не надо. От обиды, если проиграл. От злости. Мы ведь не кружок вышивания крестиком, у нас тут есть над чем поплакать. – Она решительно хлопнула себя ладонями по коленям, встала и направилась к Ромке.

– Ты куда? – возмутился Вадька. – Вы же с ним не разговариваете!

– Придется. – Кисонька отправила собранные в хвост рыжие волосы и направилась следом за сестрой. – Если я правильно понимаю, нас за этим сэнсэй здесь и оставил.

Мурка остановилась напротив Ромки и грозно уперла руки в бока.

– Ты сейчас не боец, а киселя кусок, – не утруждая себя особой дипломатией, объявила она. – Ну и как ты с таким настроением собрался чемпионом Европы стать?

– Вам какое дело? – Ромка постарался незаметно обернуть глаза широким рукавом кимоно. – Вы сами в чемпионки собирались – вот и давайте, ветер в спину, барабан на шею! Ко мне-то что лезете? Я вам не мешаю!

– Того лезем, что мы – команда! – с силой отрезала Мурка. – Мы тебя лучше на пару с Кисонькой тут под татами закатаем, чем ты на чемпионате опозоришься!

– Закатаете вы меня, как же! – пробурчал Ромка, пряча глаза. – Вы со мной даже не разговариваете!

Мурка слегка смутилась:

– Ну вот... разговариваем же... – пробормотала она.

– Ага, – с мрачной ухмылкой согласился Ромка. – Послезавтра будет как раз третий день, как разговариваете. А что я на чемпионате опозорюсь, так вы не волнуйтесь. – И после долгой паузы тихо-тихо добавил: – Я, может, на него и не попаду совсем.

Над залом повисла ледяная тишина, разорванная Муркиным страшным шепотом.

– Ты что? – стискивая кулаки, выдохнула она. – То есть как это? Твое имя в заявке! У нас сэнсэй... У нас команда... Ты не можешь не ехать!

– Он не сказал, что не поедет, – рассудительным тоном перебила ее Кисонька. – Он сказал, что не попадет на чемпионат. Это разные вещи. Рома, – она повернулась к Лаврову, – у тебя что-то случилось?

– Ничего, – привычно буркнул он, но при этом едва заметно кивнул. Кисонька тоже кивнула, как доктор, наконец разобравшийся с симптомами заболевания. Теперь оставалось найти причину.

– Мама опять не дает денег на чемпионат? Но мне казалось, отцу нравились твои успехи. Он ведь твердо обещал, что ты поедешь, – осторожно начала она.

– Деньги есть, – буркнул Ромка. – Просто как раз перед предыдущей тренировкой... ну, когда я сюда шел... Меня... Вот ситуация идиотская! – Ромка помотал головой. – Не могу

я вам об этом рассказывать! Вы мне после того раза просто не поверите! – И он неожиданно покосился на переминавшегося у края татами Вадьку. – Еще смеяться будете!

– Ты не ломайся, как сдобный пряник на помойке, – отрезала Мурка. – Ты намылился подвести всех нас с чемпионатом – так уж давай, колись хотя бы, что с тобой такое случилось, что ты вдруг работать разучился?

– Я не разучился, – обиженно буркнул Ромка. – Просто... растерялся... – Он замялся, будучи не в состоянии решиться и все рассказать. Потом выдохнул и отчаянно, как в омут с головой, выпалил: – Я как шел на прошлую тренировку, и меня... короче, я не понял... но... вроде как похитить пытались... – И он потерянно замолк, испуганными глазами всматриваясь в лица сестер в ожидании их реакции.

– Тебя? Похитить? – переспросила Мурка, одаривая Ромку подозрительным взглядом.

– Ну да, – заторопился Ромка, у которого наконец вспыхнула надежда поделиться тем, что удивляло и, что там скрывать, изрядно пугало его уже несколько дней, не давая ни учиться толком, ни готовиться к чемпионату. – Я дорогу решил срезать – я же ее всегда срезаю... Через переулок пошел, куда задняя дверь клуба выходит, – пояснил он. – Там они на меня и навалились! Двое из-за мусорных бачков выпрыгнули, еще трое впереди караулили. Все в черном, рожи под масками, одни глаза видны – вы не поверите, натуральные ниндзя!

– Тебя в переулке у клуба пытались похитить черные ниндзя, – продолжая все так же странно глядеть на Ромку, повторила Мурка. И вдруг, ухватившись руками за живот, согнулась пополам от хохота. Немедленно замолчавший Ромка глядел, как девчонка заходится от смеха. Наконец сквозь сдвленные всхлипы она выдавила: – Ты прав. Мы не поверим.

– Помнится, тебя уже один раз похищали? – Кисонька иронично приподняла брови. – Шутка, повторенная два раза, – дурной тон, Ромочка!

– Я так и знал. – Ромка поглядел на них совершенно потухшим взглядом, подобрал с татами свои перчатки и шлем и, тяжело ступая, направился к дверям. На выходе из зала он оглянулся. – Сам виноват. Не надо было говорить. – Дверь за ним захлопнулась, отрезая его от остальных членов его команды.

– Не надо было тогда самого себя похищать, – пробормотал в ответ Вадька.

– Вот зараза! – Уже отсмеявшаяся Мурка теперь была преисполнена возмущения. – Повадился похищения выдумывать!

– Но Ромка все-таки не полный идиот, чтобы рассказывать, как его пытались похитить, именно тем людям, которые точно знают, как он сам себя похищал, – несколько запутанно высказался Вадька. – Да и зачем бы ему такое о самом себе выдумывать?

– Откуда я знаю – зачем? – Мурка решительно отмела все его сомнения. – Он у нас парень с фантазией! Может, боится перед серьезным чемпионатом, вот и несет невесть что! – Похоже, Ромка упал в ее глазах окончательно. – Японские ниндзя его посреди города похищают. Как же!

Вадька нерешительно кивнул. Тут она была права. Ниндзя – это уже даже не в Японии, это уже только в кино. Поверить в ниндзя Вадька был не в состоянии.

– Делать-то теперь что? – почти в отчаянии переспросила Мурка.

– Пока что – переодеться, – как всегда рассудительно решила Кисонька. – Вадька нас уже полчаса ждет.

Ожидая перед захлопнувшейся дверью девчоночьей раздевалки, Вадька все прокручивал в голове странную Ромкину выдумку. Неужели тот сам не понимал, что ни в похищение, ни тем более в ниндзя никто не поверит? А если понимал – почему не придумал что-нибудь более правдоподобное? Все у этих каратистов, или как их там, рукопашников... Все у них не как у нормальных людей. Наверное, потому, что им слишком часто по башке стучат. Даром такое пройти не могло. И Вадька решил просто выкинуть всю эту ерунду из головы. Пусть

сами со своим чемпионатом Европы разбираются. Скорей бы они уже съездили и вернулись, а то последнее время из-за этой их подготовки от девчонок в агентстве никакого проку.

– Пошли. – Переодевшиеся сестры выскочили из раздевалки, закидывая на плечи сумки со спортивным снаряжением.

Вадька слегка уныло поглядел на их туго набитые рюкзаки. Взять сумку у Мурки – это обязательно. Но тогда надо забрать сумку и у Кисоньки... Прогулка в стиле «тяжело груженный ишак» – очень приятно и весело. А куда денешься?

С покорным вздохом Вадька взвалил Муркин рюкзак на одно плечо, Кисонькин на другое. Ого, ничего себе тяжесть! Они там что, гантели таскают? В благодарность он заработал две одобрительные улыбки и потащился следом за девчонками по крутой лестнице, ведущей наверх из подвала бывшего клуба МВД, в котором и располагались спортивные залы школы восточных единоборств. Ноги Мурки, обтянутые ее любимыми пятнистыми десантными штанами, мелькали прямо перед его носом, и он, задыхаясь от тяжести спортивных сумок и крутого подъема, наконец задал давно мучивший его вопрос:

– Слушай, Мурка! Я хотел спросить... А какая нога у человека задняя?

– Ну, конечно, та, которая сзади, – пожав плечами, ответила она.

Глава II

Дикие ниндзя существуют

Они поднялись из подвала в просторный холл клуба. Но вместо того, чтобы направиться к распахнутым главным дверям, сестры неожиданно свернули в уходивший в глубины здания коридор.

– Вы куда? Вон же выход, – окликнул их Вадька.

Мурка поморщилась:

– Так он же на улицу! Нам потом целый квартал обходить придется. Тут есть черный ход – вдвое короче получается.

– Пошли быстрее, – потребовала Кисонька. – Сердятся ужасно, когда мы тут ходим.

Ребята почти бегом миновали длинный коридор. За широко распахнутыми дверями слышался грохот посуды, голоса, и оттуда пахло чем-то непонятным, но явно вкусным. У низенькой двери штабелями стояли прозрачные упаковки с минералкой. Вадька сообразил: не иначе как они находятся в задней, хозяйственной, части известного ресторана «У ментов», занимающего половину помещения бывшего клуба. Мурка дернула дверцу... и они выскочили в кривой переулок, загроможденный выставленными у стены мусорными баками. Дальше, в конце переулочка, ярко сверкало весеннее солнце и видны были пронесившиеся по проспекту машины. Но здесь, в накрывавшей весь переулок тени, было тихо и темно.

Девчонки сбежали с невысокого крыльца. Вадька невольно притормозил:

– Погодите... Это тут вашего Ромку похитить пытались?

– Вадька, уже не смешно, – фыркнула Мурка. – Думаешь, сейчас из-за мусорных бачков ниндзя выскочат, все по уши в черном, и нас тоже похитить попытаются?

– Мурка, а тебе совершенно обязательно было это говорить? – поинтересовался Вадька, внимательно разглядывая торчавшую из-за бачков физиономию, закрытую лыжной шапочкой с прорезями для глаз. Почему-то он даже не пытался убедить себя, что это – галлюцинация.

Бачки качнулись – и, взвившись в высоком прыжке, из-за мусорников вылетели трое. Не совсем черные ниндзя, но все равно, выглядели они жутко – в черных спортивных костюмах и масках из лыжных шапочек. Спружинив, кошмарные создания приземлились посреди переулочка и замерли. Ребята видели только уставившиеся на них сквозь прорези масок глаза.

В конце переулочка загудело – и между стенами втиснулся самый обыкновенный «жигуленок», бежевый и слегка обшарпанный. Но его появление испугало их больше, чем мог бы напугать здоровенный бандитский джип или загадочный черный «роллс». Потому что «жигуленок» был здесь и сейчас, и ребятам как-то сразу стало абсолютно ясно, что он пришел по их души. Тихо гудя мотором, «жигуленок» встал, отрезая выход из переулочка. Сквозь его ветровое стекло смутно виднелся неподвижный силуэт водителя.

– Назад, – отступая, коротко скомандовала Мурка.

Вадька повернулся, намереваясь юркнуть в дверь, оставшуюся за спиной. С неширокого бетонного козырька над входом так же легко спрыгнули еще двое в черном. Мгновение – и они уже стояли плечом к плечу, перекрывая доступ к спасительной двери.

– Девочки, вы куда собрались? – развязно поинтересовался замаскированный.

Вадька поглядел на него изумленно – голос из-под глухой черной маски был вполне мальчишеский. Да и роста они с этими «ниндзя» примерно одинакового. Близняшки, похоже, тоже догадались – и моментально приободрились. Напрасно! Вадька всегда предпочитал сойтись в схватке умов с самым изощренным взрослым преступником, чем попасться в таком вот переулочке местной дворовой банде. А эти, кажется, себя еще и «ниндзями» возомнили...

– Оглохли? – Мальчишка в маске повысил голос. – Или с перепугу языки прикусили? Куда топаете, говорю?

– Мы – домой. А вы хотите нас проводить? – поинтересовалась Кисонька, застенчиво затрепетав ресницами, и словно бы случайно сделала крохотный шаг назад, становясь с сестрой спина к спине. – Мне нравятся крутые парни в черном, – кокетливо протянула она.

«Крутые парни в черном» слегка растерялись. Вадьке даже показалось, что еще пара секунд таких переглядок, и они если и не пойдут провожать Кисоньку домой, то уж телефон попросят точно. Но тут рыжую резко ухватили за руку и стоявшая позади них «маска» развернула Кисоньку к себе.

– Идешь, вот и иди себе, – раздался зловеший приглушенный шепот. – И сиди дома тихо. Не ездни куда, поняла? Не надо. – Из-под маски слышалось почти змеиное шипение, и сильные пальцы, будто клещи, сжались на тонком запястье девочки.

– Ой, – Кисонька широко распахнула глаза и даже рот приоткрыла в картинном ужасе, – совсем никуда? А я в косметический салон записана! Тебе, кстати, тоже не помешало бы, – небрежно обронила она, снисходительно поглядывая на нависшую над ней зловещую фигуру. – У меня замечательный косметолог есть – прыщики отлично убирает. Ты ведь из-за них маску носишь, де-воч-ка? – И Кисонька крутанула запястьем, легко вырываясь из жесткого захвата.

«Так тут еще и девчонки!» – дошло до Вадьки. И, похоже, их несколько, потому что смешок, невольно вырвавшийся при Кисонькиных словах из-под одной из масок, был явно девчоночьим. А вот у оскорбленной Кисонькой девицы глаза в прорезях лыжной шапочки полыхнули дикой яростью.

– Сейчас я тебе так морду попорчу, что ты всю жизнь маску носить будешь! – Рассвирепевшая девица выбросила вперед кулак, намереваясь дать в лоб чересчур языкатой рыжей...

На затылок ей тут же обрушилось что-то тяжеленькое. Это Вадька с размаху наввернул «девочке» рюкзаком, а стоявшая рядом Мурка аккуратно и нарочито легонько ткнула ребром ладони по открывшейся шее противницы. Девчонка свалилась сестрам под ноги. Ее приятельница издала протестующий вопль... немедленно захлебнувшийся. Вадька зафитил ей в физиономию вторым рюкзаком.

Рюкзак шлепнулся рядом с Кисонькой, она метнулась к нему и одним движением выхватила воткнутые в наружный кармашек две гладко обструганные палки, соединенные между собой короткой железной цепочкой. Развернувшись, как атакующая змея, нунчаки хлестнули потянувшегося к Кисоньке еще одного «ниндзя» по макушке. Но тот успел вскинуть руку, защищая голову... нунчаки еще быстрее сложились, словно сами собой, вскочили в Кисонькину ладонь, и она просто ткнула сдвоенными палками под поднятую руку противника – прямо ему в нос. Тот с воплем отпрянул в сторону.

Мурка по-балетному крутанулась, норовя захватить перекрывавшему вход в здание «ниндзя» ногой по голове... тот перехватил ее ногу, резко вывернул ступню. Казалось, рыжая сейчас уткнется физиономией в асфальт. Лихо гикнув, Мурка уперлась ладонями в землю и перевернулась в чем-то вроде «колеса». Выдрала ступню из хватки и залепила противнику другой ногой в лоб. Нунчаки Кисоньки захлестнулись на горле третьего...

Вадьке приходилось плохо. Он всегда утверждал – парень не должен драться с девчонками! Потому что те очень больно бьются! Закиданная рюкзаками парочка девиц решила отомстить Вадьке по полной программе. От удара в ухо мальчишка еще уклонился, но это был его последний успех. Он тут же схлопотал с другой стороны, что-то подшибло его под коленки, и он рухнул на асфальт. Обе девчонки навалились на него, и Вадьке показалось, что он слышит, как трещат кости зажатой в болевом захвате руки. Из груди его вырвался придушенный вопль.

Мурка обернулась на крик... Но прийти на помощь она не могла. Трое других «ниндзя» показали, что они тоже кое-что умеют. Один перехватил Муркин удар и бросил девочку через себя. Мурка извернулась в падении, приземлилась на четвереньки, не вставая, описала ногой круг, подсекая противника. Сверху на нее навалился другой «ниндзя». Вертя нунчаки со скоростью вертолетного винта, Кисонька на мгновение разогнала противников в стороны... Стремительно вращаясь, палки застучали «ниндзя» по рукам, заставив их отпрянуть с воплями боли. Но один успел поднырнуть и, ухватив Кисоньку поперек талии, опрокинуть наземь. Мурка пинком сшибла его с сестры, но тут же на нее саму надели со всех сторон. Противники схлестнулись в сплошной мешанине ног, рук, мелькающих кулаков.

– Оставьте немедленно мальчишку! – неожиданно заорал из «жигуленка» взрослый мужской голос. – Нам нужны только девочки!

Насевшие на Вадьку воинственные девицы тут же огрели его по затылку и ринулись на помощь своим. Противников стало пятеро – и даже для Мурки с Кисонькой это было чересчур. Судорожно смаргивая, пытаясь разогнать плавающий перед глазами туман, Вадька успел разглядеть, как обиженная Кисонькой девица прыгает на не успевшую подняться рыжую с азартным воплем:

– Сиди в своем косметическом салоне и не высывайся!

Мурка попыталась прийти сестре на помощь, но навстречу ей выскочили двое мальчишек. Удары посыпались со всех сторон. Мурка еще держалась, но ясно было, что это не надолго. Вадька бестолково шебуршился на асфальте, пытаясь собрать в кучку руки-ноги и ринуться на помощь. У него не получалось... Мурка пошатнулась... «Ниндзя» издали торжествующий крик...

Дверца черного хода клуба со скрипом распахнулась... и на пороге появился Ромка. Физиономия мальчишки была все еще красной, а глаза походили на узкие заплывшие щелочки, словно он сперва долго ревел, а потом безуспешно пытался скрыть следы слез ледяной водой. Эти самые глазки-щелочки сперва широко распахнулись при виде происшедшего в переулке побоища... А потом Вадька понял, что сумкой надо пользоваться совсем не так, как это делал он сам.

Ромка свою швырять не стал. Он просто ухватил ее обеими руками за длинный ремень и, закрутив лихую восьмерку, вклинился между Муркой и ее противниками. Тех разнесло по переулку, словно в середине драки рванула бомба. А Лавров, чемпион области и страны по рукопашному бою в весовой категории пятьдесят пять килограммов, всеми своими килограммами, помноженными на вес (и скорость) вертевшейся без остановки сумки, врубился в Кисонькиных противников. Тех буквально смело с девочки. Кисонька немедленно перекатилась по асфальту, подхватила отлетевшие в сторону нунчаки, вскочила и кинулась в бой. Ромка, в очередной раз нагнув сумкой самому бойкому «ниндзя», встретил атаку второго прямым тычком ноги и доработал кулаком, отшвырнув его на капот «жигуленка».

– Любишь ты выбивать противника с татами, – захохотала Мурка, повисая на плечах у очередного «ниндзя».

– Ну теперь-то вы мне верите? – рявкнул Ромка, бросая сумку и принимая на болевой прием кинувшегося на него со спины противника. Еще один «ниндзя» уже никуда не кидался, огребя по полной программе от Кисоньки нунчаками.

Ромка перекинул доставшегося ему противника через плечо... и швырнул навстречу бегущему на него очередному врагу. Оба грянулись оземь – Ромка прыгнул на них сверху, ударами коленей вбивая в асфальт. Противники со стонами скорчились под ним. Из «жигуленка» раздавалась сдавленная ругань, дверца распахнулась, и наружу принялся выдвигаться кто-то взрослый... И тоже весь в черном.

– Что здесь происходит? – Дверь входа снова распахнулась, и ошалевший от удивления сэнсэй уставился сперва на сшибленного наземь Вадьку, потом на опозорившегося сегодня

Лаврова, восседавшего на вбитых в асфальт сразу двух противниках, на неистово вертевшихся в схватке девчонок и еще одного придурка в черном, прыгнувшего прямо на... Лаврова! На этой точке тренер перестал удивляться и кинулся на помощь своим ученикам.

Собравшийся выскочить из машины здоровяк нырнул обратно за руль, и дверца «жигуленка» захлопнулась. Атакующий Лаврова «ниндзя» извернулся в прыжке, приземлился на четвереньки, как кошка, и так же на четвереньках рванул к «жигуленку». Мотор взвыл... Противники сестер отпрыгнули назад и вбок, разрывая расстояние между собой и девчонками, круто повернулись. С разбегу снеся восседавшего на поверженных врагах Лаврова, подхватили напарников под мышки и поволокли по асфальту. В два рывка преодолев расстояние до «жигуленка», закинули избитую парочку в машину... и прыгнули следом.

Тренер уже был возле самого бампера «жигуленка», уже протянул руки, чтобы ухватить ближайшего «ниндзя». В эту секунду мотор взревел, «жигуленок» дал задний ход. И задом помчался к выходу из переулка. Изрыгая совершенно жуткие ругательства, длинными скачками следом мчался сэнсэй, но машина все ускорялась и разрыв стремительно увеличивался.

Поднявшийся на четвереньки Вадька увидел, как автомобиль вырвался из переулка, круто развернулся на трассе. Неведомый водитель дал по газам, и «жигуленок» унесся, визжа протекторами. Тренер только и успел погрозить ему вслед кулаком, досадливо сплюнул и повернул обратно. Остановился, оглядывая разгромленный переулок с раскиданными по нему спортивными сумками, и своих встрепанных, тяжело дышавших учеников. И деловито приступил к «разбору полетов».

– Ты! – Указательный палец сэнсэя уперся в Лаврова. Ромка испуганно дернулся и сжался в комок. Сэнсэй некоторое время молчал, держа паузу, и наконец обронил: – Молодец! Считаю – реабилитировался. Если и на чемпионате так будешь драться, золото – наше. Вы! – Палец поочередно ткнулся в Мурку и Кисоньку. – Хорошо сработали, – одобрил он. – Только ты, если с парнями дерешься, силой с ними не тягайся, – наставительно сказал он Мурке. – Ты уходи в сторону, пусть он от собственной силы удара мимо тебя пролетает... – Он еще раз огляделся и наконец поинтересовался: – Теперь, может, кто-нибудь объяснит мне, что это были за придурки ряженные и чего они от вас хотели?

– Сэнсэй, я выхожу, а они на девчонок... – зачастил Лавров, счастливый тем, что его репутация в глазах тренера восстановлена и что девчонки убедились – он не врал. – А я же говорил! Я с ними уже один раз...

Его сильно и больно ударили по ноге. Лавров подпрыгнул, яростно озираясь по сторонам. Но рядом с ним стояла только упорно глядевшая в сторону Мурка.

– Мы вышли из зала, а они на нас как накиннулись, – невинным тоном случайной жертвы протянула рыжая. – Хулиганы какие-то психованные...

Ну правильно – девчонки их впервые видят, но он-то, он с этими «ниндзя» ненормальными уже сталкивался! Ромка снова открыл было рот, чтобы поделиться информацией, – и снова получил болезненный пинок. Хоть и с опозданием, но до него наконец дошло – это же Мурка пинается! Она что, не хочет, чтобы сэнсэй знал о попытке нападения? Он заглянул рыжей в лицо, пытаясь понять, что она задумала, – и натолкнулся на зловещий прищур зеленых глаз: вот только посмей, только скажи хоть слово поперек!

Ромка опасливо попятился, невольно поджимая ногу, и пробормотал:

– Точно... Впервые видим... Просто ненормальные ниндзя бегают по улицам, на людей кидаются, проходу от них нет...

– Дикие ниндзя без ошейников и намордников? – очень серьезно уточнил тренер.

– Ага, – кивнул несчастный Ромка.

Тренер еще раз обвел всех четверых, включая Вадьку, задумчивым взглядом. По его каменному лицу совершенно невозможно было определить, какие мысли бродят в его голове.

– Ладно, – дернув усом, неожиданно согласился он. – Пока проехали. Пошли, я вас по домам разведу, чтобы снова на вас какие-нибудь ниндзя не накинлись. И чтобы оставшиеся два дня без нужды из дома не высывались! Мне вас надо живыми и здоровыми доставить на чемпионат и обратно.

– Ты зачем тренеру соврала? И меня заставила?

Мальчишки, сумевшие лишь на секунду оторваться от тренера, ожидавшего их под подъездом Мурки и Кисоньки в твердом намерении каждого сопроводить домой, заскочили вслед за сестрами в их парадное. Ромка немедленно накиннулся на Мурку с вопросами.

– Ты дурак? – прошипела в ответ рыжая. – Не понял, куда они не хотели, чтобы мы ехали? – И увидев Ромкин действительно непонимающий взгляд, она раздраженно передернула плечами и выпалила: – На чемпионат, вот куда!

– С чего ты взяла? – отшатнулся Ромка.

Но ответить девчонка не успела.

– Хватит вам прощаться, не на век расстаетесь! – рявкнул с улицы тренер.

– Завтра, в офисе, – успела только шепнуть Мурка, и, прыгая через ступеньку, девчонки побежали на свой этаж.

Глава III

Свое дело у каждого

– Для начала расскажи нам... то есть сыщику, конечно... Расскажи, как эти черные «ниндзя» на тебя вышли, – властно распорядился Сева, поворачиваясь к Ромке Лаврову.

Именно из-за Лаврова они сидели не в рабочей комнате, а в парадном офисе детективного агентства «Белый гусь», а возглавлял (во всяком случае, старательно делал вид, что возглавляет) их встречу Салам – очень солидный, бородатый мужик почти двухметрового роста. Все, кто когда-либо сталкивался с агентством – от клиентов до налоговой инспекции, – были убеждены, что он-то и есть владелец «Белого гуся», суперпроницательный сыщик, способный распутать самое сложное дело. Несколько человек, включая того же Ромку, считали, что у сыщика огромные связи и на него работают разные люди. Кое-кто слышал, что сведения «Белому гусю» поставляют светские дамы, кто-то говорил, что с ним сотрудничают лучшие финансисты мира и хакеры международного уровня, а кто-то видел, как в офис агентства проскальзывают натуральные бомжи, – видать, тоже с секретной информацией. Ну а Ромка, после дела о его собственном похищении, знал, что для сбора сведений великий и непревзойденный Салам нанимает даже детей – хотя бы вот этих самых близняшек и их приятелей. И только сам Салам да еще компания из пяти ребят и одного боевого белого гуся со сложным именем Евлампий Харлампиевич знали, что и светские дамы, и великие финансисты, и суперхакеры, и даже бомжи – это они сами и есть: пятерка сыщиков и истинных владельцев «Белого гуся». А сам Салам является лишь подставной фигурой. Но, естественно, сообщать об этом потрясающем факте кому бы то ни было (тем более Лаврову) сыщики «Белого гуся» вовсе не собирались. Поэтому сейчас Салам восседал за своим столом в офисе, буравил Ромку загадочным взглядом из-под затемненных стекол очков и старательно делал вид, что он здесь – главный.

Получалось у него неплохо – забившийся в кресло для посетителей Ромка поглядывал на величественного и невозмутимого Салама с благоговейным ужасом.

– Я уже начал девочкам рассказывать, – нервно сплетая пальцы и с надеждой всматриваясь Саламу в лицо, сказал парень. – Перед тренировкой все случилось... Одни спереди, другие сзади – и накнулись. За руки схватили и начали локти назад заламывать! Ничего не сказали – не успели. Я сразу решил, что они меня уволочь хотят, ну и так напугался... что сразу вывернулся, одному дал, а они тогда все разом навалились...

– И ты со всеми пятерыми справился? – ехидно спросила Катька.

Ромка смутился.

– Нет, с пятерыми я бы, конечно, сам не справился. Фургон в переулок заехал. Который продукты в ресторан привозит. Водитель, как нас увидел, сперва гудок дал, а потом сам с монтировкой из кабины выскочил. «Ниндзя» меня бросили – и ходу!

– А «жигуленок» ты тоже видел? – быстро спросил Вадька.

Ромка помотал головой.

– Не-а... Может, он на улице ждал?

– Все понятно, – уверенно заключил Вадька. – Разобраться с Ромкой им фургон помешал. Поэтому во второй раз они явились попозже, когда никаких продуктов уже не привозят, загнали свою машину прямо в переулок, чтобы никто туда заехать не мог и вы не сбежали бы.

– Непонятно только, зачем им все это понадобилось, – тихонько добавила Катька.

Вадька кивнул. Салам торопливо зашарил по столу и, незаметно пододвинув к себе бумажку, зачитал по ней вопрос, который предстояло задать обязательно и который позволял сделать вид, что подставной владелец агентства принимает хоть какое-то участие в разговоре:

– Мурка, почему ты решила, что нападение связано с вашим чемпионатом?

Мурка лишь пожала плечами.

– Но это же очевидно! Они напали только на Ромку и на нас, – принялась загибать пальцы Мурка.

Вадька немедленно возмутился:

– А почему тогда у меня ребра болят и шишка на затылке?

– За тобой они не охотились, – отмахнулась Мурка. – Ты тут – случайная жертва.

– Я не жертва, – косясь на Ромку, не хихикает ли, – снова возмутился Вадька. – Я тоже кому мог – настучал!

– Настучал, настучал, – нетерпеливо согласилась Мурка. – И поджидали они нас не у дома или школы, а именно возле клуба. Кажется, спорт – это единственное, что они о нас знают. – Мурка загнула еще один палец. – Но самое главное – вы заметили, какие они?

– Ну... – Вадька задумался. – Ребята примерно как мы, может, постарше, – сосредоточенно начал вспоминать он. – И дерутся... Совсем как вы, – заключил он, поднимая глаза на Ромку и девчонок.

– Еще они носят одинаковые спортивные костюмы. – Мурка загнула третий палец. – Напали на нас ребята, а за рулем «жигуленка» сидел взрослый. И они этого взрослого слушались. – Мурка сжала все пальцы в плотный кулак и предъявила этот кулак остальным сыщикам. – Ну и на что, по-вашему, это похоже?

Но ответила ей только Кисонька.

– На команду, – твердо сказала она. – Команду и тренера.

Вадька опять задумался:

– Они вам, видно, пригрозить собирались – начали же говорить, чтобы вы дома сидели, никуда не ездили...

– Только договорить толком не успели, – захихикала Мурка. – Кисонька ту девчонку своим косметическим салоном просто взбесила!

Кисонька польщенно улыбнулась. Ромка, не присутствовавший в начале драки, только удивленно захлопал глазами.

– Значит, неизвестный тренер и его команда очень не хотят, чтобы вы попали на этот ваш чемпионат Европы. И часто у вас такое вокруг чемпионатов творится? – нервно поинтересовался Вадька.

– Никогда! – отрезала Мурка. И добавила: – Мы бы знали!

– Это не потому, что все «рукопашники» такие хорошие, – тихо уточнила Кисонька. – Просто мы никому не нужны. На взрослых чемпионатах всякое случается – подставляют соперника, допинг используют, пытаются вывести возможного чемпиона из строя. А у нас, во-первых, вид спорта не олимпийский, за его поддержку спонсорам скидку по налогам не дают. А во-вторых, мы же юниоры, участники у нас от восьми лет, денег на нас не заработаешь, и никому мы особо не интересны – ни Спорткомитету, ни мафии. Поэтому у нас всегда все честно.

– Ага, – хмыкнула Мурка. – Кроме весовых категорий.

– Ну подожди, у вас же призы есть? – не понял Сева. – Может, в этот раз призы большие, вот кто-то и хочет их заполучить и устраняет всех соперников?

– Ради самого большого плюшевого мишки! – снова фыркнула Мурка.

– Какого еще мишки? – опешил Сева.

– Ты не понял, что тебе Кисонька объясняла? Мы – не футбольная команда! На наши чемпионаты билеты не продают, и под рекламу татами брать бессмысленно – зрителей-то мало, никто ее и не увидит! Нет у нас никаких призов! И никогда не было! В прошлом году чемпионат Европы в Польше был, так там победителям мягкие игрушки дарили. А в этом году вообще у нас проводится – значит, кроме медальки с грамотой, ничего не будет!

– Так в чем тогда проблема? – удивился Сева. – Если от этого чемпионата никакой пользы, да еще и угрожают всякие, нечего на него и ехать! Что у вас, других дел нет?

Мурка пристально, исподлобья поглядела на Севу. Следом за ней повернулась Кисонька, а потом на Севу уставился и Ромка. И под этими взглядами ему сразу стало как-то неуютно.

– Вы что? – невольно вжимаясь в спинку стула, пробормотал он.

– Даже если я буду точно знать, что меня там убьют! – четко, отдельно и с такой силой и убежденностью, что не поверить ее словам было просто невозможно, сказала Мурка. – Я все равно поеду!

– И я поеду, – тихо пробормотал Ромка, и ясно было, что он не рисуется и не старается произвести впечатление.

– И я, – уверенно кивнула Кисонька.

– Ребята, вы нормальные? – после недолгой паузы ехидно поинтересовался Сева. – Вы платите за тренировки – ну, родители платят... Покупаете снаряжение, так? И на чемпионат вы тоже за свой счет едете – билеты, жилье, еще и немаленький взнос за участие, да? И у вас даже нет надежды хоть что-то заработать, кроме плюшевого мишки?! Зачем вы вообще этим занимаетесь?! – заорал Сева.

Вадьке показалось, что сейчас эта троица – близняшки и Ромка – Севу просто поколотит. Он даже вскочил, хоть и понимал, что против рукопашных бойцов у него нет шансов, – но не оставлять же Севку им на растерзание? Тем более что Вадьке все больше казалось – их финансист в чем-то прав. Может, даже во всем...

Но Мурка ответила неожиданно мирно, только обратилась она почему-то к Вадьке.

– Вадь, – спросила она. – А вот если бы тебе запретили подходить к компьютеру? Или там потребовали бы, чтобы программу какую-нибудь интересную бросил и ни за что не писал? Ты бы согласился? Только честно.

Вадька задумался. По-честному.

– Не, не согласился бы. – вынужден был признать он. – Ну... если бы маму в заложницы взяли, разве что тогда... Если бы взяли Катьку с ее гусем, уже б наплевал, – торопливо добавил он.

Катька наскоро поискала, чем бы тяжеленьким кинуть в брата, ничего не нашла и просто погрозила ему кулаком. Вадька в ответ скорчил рожу.

– А ты, Севка? – Мурка переключилась на Севу. – Если бы у тебя твой ларек отнимали и другое дело тоже... – упоминать при Ромке, что «другим делом» являются финансы «Белого гуся», она, конечно, не стала, – ты бы вот так взял и все бросил?

– А что я-то? – немедленно насупился Сева. – Я на своих делах деньги зарабатываю. И не только для себя, – тихонько добавил он.

– А если бы не надо было зарабатывать? Если б у тебя отец богатый был? – усложнила задачу Мурка. – Ты бы только на море ездил и по ночным клубам шатался?

– Я бы от тоски с ума сошел! – перепугался Сева.

– Ну вот, – удовлетворенно сказала Мурка, явно уверенная, что она уже всем все пояснила. – Если не делать того, что... твое, что ли... Совсем твое, главное... Так ведь это все равно что не жить! Конечно, неплохо бы еще и деньги зарабатывать, – она мечтательно вздохнула, – но даже без денег и с психованными ниндзя-похитителями мы все равно поедим на чемпионат Европы! Потому что мы можем победить! Потому что мы хотим этого! – с силой сказала она.

Кисонька только убежденно кивнула – совершенно ясно было, что ее от поездки не удержит не то что пятерка малолетних «ниндзя», но даже объединенные силы НАТО!

– Поэтому ты и тренеру тогда ничего не сказала? – тихо спросил Вадька.

– Ну да, – отчаянно кивнула Мурка. – Пусть он думает, что это просто хулиганы или нападение с бизнесом наших родителей связано. Если он только догадается, что все из-за чемпионата, – он же у нас ответственный! Возьмет и сам нас дома оставит! А потом... уж не знаю. – Мурка вздохнула. – Или напечется, или повесится. Ему этот чемпионат на самом деле еще нужнее, чем нам!

И компаньоны «Белого гуся» погрузились в глубокую задумчивость. Мысли близнецов были похожи как... близнецы. Девчонки думали, что всякое бывало на чемпионатах – и запрещенный прием могли провести, и судьи от чужой команды делали вид, что не заметили твоего удара. Но угрожать, пытаться отвадить от участия! Такого действительно еще не случилось. Что-то здесь не так, чего-то они не понимают... Сева все пытался решить, действительно ли он занимается бизнесом потому, что ему это нравится, или потому, что любит деньги. Выходило, что даже если бы ему не нужно было зарабатывать, он бы все равно дела прокручивал – и такое бескорыстное отношение к собственному бизнесу его огорчало. Следующий шаг – вообще заниматься чем-то бесплатно, как близнецы, а это уже несерьезно! Насупленная Катька пыталась понять, а что же у нее есть такого, без чего ей и жизнь не в жизнь. Получалось, что гуси – «Белый» и Евлампий Харлампиевич. Вадька напряженно соображал, как бы ему здесь, сидя с Салямом лицом к лицу, без всякой техники подсказать ему нужную фразу так, чтобы Ромка ничего не заметил. И только ничего не понимавший Ромка все вертел головой, поглядывая то на Саляма, то на ребят.

– Э-э... А что нам делать дальше? – наконец протянул Вадька, преданно заглядывая Саляму в глаза.

– А что вам делать дальше? – после недолгой паузы осторожно поинтересовался Салям, пытаясь понять, чего хочет начальство.

– Оставаться? Или домой идти? – сильно надавливая голосом на последние слова, сказал Вадька. – Вам, наверное, подумать надо? Над этим непростым и запутанным делом?

– Точно! – моментально возразился Салям. – Мне надо подумать над вашим непростым и запутанным делом! Так что вы пока идите домой, ребятки!

Ромка покорно поднялся с кресла и выжидательно поглядел на остальных:

– Девчонки, вы идете?

– Да-да, – немедленно согласилась Мурка. – Только заглянем кой-куда... – неопределенно сообщила она. – Вадька с Севой нас проводят.

На Ромкиной физиономии было четко написано, что он сомневается, кто тут кого будет провожать, но от комментариев он воздержался. Просто подхватил свою сумку, кивнул всем на прощанье и направился к выходу. За ним захлопнулась парадная дверь.

– Из ваших еще кто-нибудь на этот чемпионат едет? – спросил Вадька.

– Никто. Остальные пока к такому уровню не готовы, пусть сперва на менее значимых чемпионатах обкатаются, – с важностью ветерана объявила Мурка.

– Значит, угрожать пытались всей вашей команде, – заключил Вадька. – Интересно, только вашей или еще какой-нибудь?

– Я вообще не вижу причин, чтобы им угрожали! – мрачно пробурчал Сева.

– Считаешь, можем ехать спокойно? – чересчур равнодушно для того, чтобы это чувство было подлинным, спросила Кисонька.

– Нет, это ты считаешь меня дураком! – отрезал Сева. – Если на вас все-таки наехали, да еще так круто, – значит, на самом деле есть причины, просто мы о них пока не знаем. Но кое о чем можем запросто догадаться – если наезжать начали, просто так от вас не отстанут. Завтра на вокзале эти «ниндзя» увидят, что девчонки и Ромка не испугались и все равно едут на свой чемпионат, – и обязательно устроят что-нибудь еще! В поезде или прямо на чемпионате! Есть только один выход – Он горестно вздохнул. – Раз эти две сумасшедшие не хотят остаться, придется нам всем ехать с ними и разбираться по ходу дела. – И в ответ

на устремленные на него изумленные взгляды предупредил: – Если кто спросит, как это я согласен работать без гонорара, – чем-нибудь кину!

Кисонька моментально захлопнула рот.

– Значит, решено, – заключил Вадька. – Сейчас бегом за билетами – мы едем с вами как ваши болельщики и группа поддержки!

И только когда все уже оделись и, оставив Саляма дежурить в офисе – поесть его любимые бутерброды с салями, – направились, как всегда, к черному ходу, Сева притормозил Мурку и шепотом спросил, поглядывая на идущую впереди Кисоньку:

– Ну ладно, для тебя эти рукопашные бои – «твое». Мы все знаем, что тебе без драк жизнь не в жизнь! Но Кисонька-то отчего так на этот чемпионат рвется? Она же не такая помешанная на боях, как ты!

Мурка снисходительно улыбнулась:

– А ты еще не видел, что для Кисоньки – «ее»? Ну, раз вы с нами едете – увидишь. То, что делает Кисонька... Поверь мне, это – нечто!

Глава IV

Вокзальные споры

– У ребенка должно быть счастливое детство! – Довольно красивая и очень ухоженная женщина в деловом костюме победно поглядела на Сергея Николаевича, отца Мурки и Кисоньки.

– Я вообще не думал, что детство кому-нибудь что-нибудь должно, – слегка растерянно пробормотал тот. – По-моему, это ему все всегда должны.

– Вот именно! – Дама энергично согласилась. – Машенька, милая, я к тебе прекрасно отношусь, но я просто видеть не могу, как вы мучаете своих детей! То они у вас языки учат, то спортом занимаются...

– Они у нас не «то, то», они у нас все делают одновременно, – сдержанно откликнулась Марья Алексеевна.

– Тем более! – всплеснула руками дама. – А детство у них когда будет? Я своего сына стараюсь совершенно не напрягать!

– А чем он занимается, ваш сын? – рассеянно спросил Вадька, прикидывая, как бы ему пристроить сумку с ноутбуком среди дорожных рюкзаков.

– Господи, ну чем может заниматься ребенок? На велосипеде катается, фильмы смотрит, в компьютерные игры играет, с приятелями во дворе сидит...

– Но занимается-то он чем? – поправляя сползшие очки, недоуменно переспросил Вадька.

– Я же тебе объясняю, мальчик...

– Все катаются на великах и смотрят фильмы, – пожал плечами Вадька. – Если целый день только крутить колеса или глядеть на экране, как классно и интересно живут другие люди, можно офигеть от скуки. Он же, наверное, еще что-то делает?

– В школу ходит, – ответила слегка подрастерявшая свою самоуверенность дама.

– В школу тоже все ходят, от школы никуда не денешься. – Вадька уже жалел, что спросил, – тетка явно не понимает, о чем с ней говорят. – А чем он занят?

– Ну я же сказала... – снова начала дама и умолкла, понимая, что рассказ о велосипеде и DVD совершенно не впечатляет этого настырного мальчишку в очках и с ноутбуком под мышкой. Они с Вадькой уставились друг на друга с одинаковым недоумением в глазах.

Марья Алексеевна едва слышно хмыкнула:

– Кажется, вы с Вадиком не нашли взаимопонимания. Так что вы уж извините, – она положила руки на плечи дочерям, – но мои девочки поедут становиться чемпионками.

– А вашему сыну мы желаем успешных посиделок во дворе, – добавил Сергей Николаевич.

– Ничего, с годами наш спор разрешится сам собой, – фыркнула дама, круто поворачиваясь на каблуках. – Увидим, чей ребенок добьется большего, когда вырастет!

– Вы еще сравните, кого потом круче похоронят, – захихикала никогда не страдавшая деликатностью Катька.

– Катя, тише! – попыталась успокоить малую Марья Алексеевна, когда ее возмущенная знакомая, даже не попрощавшись, двинулась прочь по запруженной людьми вокзальной платформе.

– А почему она так говорит, как будто если ты не взрослый, то жизнь у тебя на самом деле не настоящая, а предварительная? – продолжала кипеть Катька. – Что там дальше будет, никто не знает, а если девочки сейчас – чемпионки, так они чемпионки, и все! И нечего тут на всякое «потом» кивать!

– Они пока еще не чемпионки, – отрезал расслышавший ее слова тренер, выныривая из вокзальной толпы у ступенек вагона. – А будут такими самоуверенными – и не станут никогда! Это и тебя касается, – обернулся он к топавшему позади него Ромке.

Дверь вагона распахнулась, и полная проводница спустилась с железной лесенки, встав у входа.

– Все, полезли, – скомандовал тренер, первым показывая свой билет и взбираясь в вагон.

Девчонки похватили рюкзаки, Кисонька еще зажала под мышкой что-то вроде здоровенной длинной палки, плотно упакованной в ткань и целлофан. Наскоро поцеловавшись с родителями, девчонки запрыгнули следом за Ромкой.

– Ты сегодня без своего пернатого друга? – помогая Катьке нацепить ее рюкзак, спросила Марья Алексеевна, невольно провожая взглядом пробежавшую мимо них молодую девушку с клеткой в руках. В клетке сидела пара пестрых попугаев. Следом торопилась старушка с чемоданом и крохотным черным пудельком на поводке. А еще дальше, через вагон, в поезд садилась целая процессия – и все с собаками! Здоровенные, да еще и увешанные медалями, как боевые офицеры, псы. На псов и их владельцев настороженно оглядывались другие пассажиры.

– Да-а, с гусем на чемпионат – здорово бы мы выглядели, – косясь на собак, хмыкнул Вадька и, прощально кивнув родителям девчонок, направился к вагонной лестнице. На самом деле проблема гуся его тоже волновала. Сообщая вчера Катьке, что уж гусь-то точно с ними не едет, Вадька готовился к воплям, требованиям и слезам и намеревался стоять насмерть. Но сестрица неожиданно кивнула, соглашаясь. Вадьку такое необычайное послушание напугало до дрожи в коленках, и сегодня все утро он подозрительно приглядывался к Катьке. Но факт оставался фактом, гуся не было. Неужели Катька наконец повзрослела, поумнела и поняла, кто в их семье главный?

В веренице людей они втянулись в узкий коридор вагона. Вадька придержал сестру за плечо, чтобы между ними и идущим впереди тренером оказались другие пассажиры. Тот сверился с билетом и нырнул в купе. Вадька подтолкнул Катьку, втроем с Севой они проскользнули за спиной тренера, быстренько спрятавшись в соседнем купе.

– Мы почему прячемся? – ставя свою объемистую сумку, приглушенным голосом спросила Катька.

– А ты думаешь, их сэнсэй очень счастлив будет нас видеть? – хмыкнул Вадька, плюхаясь на полку.

– Осторожно! – завопила Катька, в последнюю секунду выхватывая свою сумку из-под него.

– У тебя что там, хрустальная ваза? – хмыкнул Вадька.

– Мы от них всю дорогу скрываться будем? – с явным разочарованием поинтересовалась Катька, водружая сумку на столик. – Я думала, что с девчонками в одном купе поеду. – И она покосилась на свою сумку. Тут же торопливо отвела глаза, с пристальным вниманием уставившись в окно. Провожающие перемещались по широкому перрону перед вокзалом. Муркины родители махали в окно. Позади них, довольно далеко от поезда, в тени вокзальной стены, топтались какие-то ребята со спортивными сумками в руках. Четверо, кажется. Видно, ждали кого-то опаздывающего, потому что то и дело привставали на носках, вглядываясь в прозрачные двери вокзала.

Сева пролез мимо Катьки, закидывая свой рюкзак на верхнюю полку. Неловко повернулся в узком проходе, зацепив выставленную Катькой сумку. Та закачалась, опасно кренясь на сторону... С хриплым воплем Катька подхватила ее.

– Да что же ты за медведь такой! – накинулась она на Севу, судорожно прижимая сумку к груди. – Повернуться не можешь, чтобы кого-нибудь не покалечить!

– Это я сумку твою покалечил? Ручки оторвал, ножки повыдергивал?

Под вагоном что-то лязгнуло, поезд дернулся, явно сигнализируя, что он вот-вот тронется. Катька пошатнулась от толчка, больно стукнувшись о край столика, но при этом старательно оберегая от удара... сумку.

У Вадьки снова появились нехорошие подозрения.

– Ты что там такое везешь? – угрожающим голосом протянул он, нависая над сестрой. Катька съежилась, пряча сумку за спину. – А ну, покажи! – грозно потребовал старший брат.

– Посмотри! – неожиданно сказала Катька.

– Посмотрю-посмотрю, – пообещал ей Вадька, протягивая руку к сумке.

– Туда, в окно посмотри! – почти взвизгнула Катька, тыча пальцем в стекло.

Вадька повернулся... и, забыв обо всем на свете, прильнул к вагонному стеклу. Торжествуяще размахивая над головой билетами, из раздвижных дверей вокзала выскочил мальчишка лет тринадцати-четырнадцати. Поджидавшая его четверка рванула навстречу, ступив на свет из глубокой тени. Теперь их было пятеро – трое парней и две девчонки! Лиц издали не разглядеть, но Вадька ясно видел, что все они одеты в одинаковые черные спортивные костюмы! Очень знакомо выглядевшие костюмы! Вся компания повернула к хвосту поезда и бегом помчалась вдоль перрона. Но Вадька готов был поклясться – несмотря на спешку, каждый успел коротко оглянуться на их вагон.

Глава V

Белый гусь инкогнито

Медленно и плавно поезд тронулся. Прижавшись лицом к стеклу, Вадька следил, как удаляется, исчезая где-то позади, вокзал. Скорость нарастала, колеса дробно стучали по рельсам, и за окном мелькали примыкающие к вокзалу старые хрущевки. Вадька резко повернулся и, рывком отодвинув дверь купе, выскочил в коридор. Тут же соседняя дверь с грохотом отъехала в сторону и из-за нее вывалился выпучивший глаза Лавров.

– Этих – в черном – видел? – хриплым шепотом выдохнул Ромка.

Вадька кивнул – значит, ничего он не придумал и не показалось ему: те самые «ниндзя» караулили их отъезд.

– Слушай, может, мне только кажется, но, по-моему, они в наш поезд сели, – нервно озираясь по сторонам, словно пятерка «ниндзя» могла материализоваться прямо посреди узкого вагонного коридорчика, сказал Ромка.

– Заметили? В этот раз взрослого с ними не было, – прокомментировал Вадька.

– А с нами? – быстро спросил Ромка. – В смысле, сыщик из «Белого гуся» что, не поехал? Он нам не поможет?

– Спокойно! – выглядывая из дверей, авторитетно бросила Катька, – «Белый гусь» тут!

– Только он это... инкогнито! – поторопился вставить Вадька, чтобы Ромке вдруг не стукнула в голову правильная, но совсем ненужная догадка. – В смысле под чужим именем и в чужом облике!

– А как же мы его опознаем? – тоже понижая голос, спросил замороченный Ромка.

– По паролю, – немедленно решил приколоться Вадька. – Я только тебе скажу, даже наши не знают, – словно бы подозрительно косясь на обалдевших Катьку и Севу, страшным шепотом сообщил он. – Если кто тебя спросит: «У вас продается славянский шкаф?» – значит, это наш Салам и есть. Или его человек. Дашь отзыв: «Шкаф продан, осталась кровать с тумбочкой», – и дальше поступаешь в его распоряжение! Делаешь все, что он скажет, понял? – командирским тоном закончил Вадька.

– Понял, – судорожно кивнул Ромка.

– Лавров, ты с кем там треплешься? – раздался голос, и из купе выглянул тренер. – Вы... Э! Ты же приятель Косинских! – узрев Вадьку, изумленно охнул он. – А вы... – Он оглянулся на невольно попятившихся под его взглядом Севу и Катьку. – Вы нас провожали на вокзале! Вы что, выйти забыли?

– Мы... – чувствуя, что разговор с тренером не пройдет так просто, как он рассчитывал, проямлил Вадька. – Мы едем с вами на чемпионат!

– Так. – Лицо тренера приобрело совсем нехорошее выражение. – А ну-ка, все зашли к нам в купе!

– У меня там сумка, – оглядываясь на свою дверь, пролепетала Катька.

– Ничего с твоей сумкой не делается. Ну, быстро, – скомандовал тренер.

Ребята один за другим перешли в соседнее купе. В крохотном помещении мгновенно стало тесно. Тренер коротко глянул на чинно усевшихся рядом на полку Вадьку, Севу и Катьку, потом перевел взгляд на своих бойцов.

– Это как понимать? – грозно спросил он, поочередно озирая то близняшек, то Ромку.

– Это наши друзья, они хотят посмотреть, как мы будем выступать... – начала Кисонька, но тренер не собирался слушать. Он собирался говорить.

– Мало какому тренеру везет так, как мне с вами повезло! – очень тихо и проникновенно начал он. – И даже не в том дело, что вы бойцы талантливые... А в том, что у вас родители при деньгах, могут поездки на соревнования вам оплатить! – Его голос снова под-

нялся до крика. – Поэтому у вас сейчас уже первый юношеский разряд, а с этого чемпионата вы можете вернуться КМС – кандидатами в мастера спорта, – мрачным тоном, словно оповещая их, что сразу по возвращении они будут арестованы и заключены на всю жизнь в подземелье с пауками и крысами, объявил тренер. – Но даже не это главное! В клубе как минимум еще четверо ребят с хорошими перспективами, но их родители на тренировки с трудом наскребают, а ни о каких поездках и речи быть не может – без спонсора. И все их умения, все их способности так и пропадут, если у нас не окажутся три чемпиона Европы. Уж под такое дело мы спонсора найдем. Только сперва надо выиграть! От вас судьба всей нашей школы зависит, а вы что делаете? – Он обвел своих бойцов обвиняющим взглядом. – Превращаете чемпионат Европы в развлечение!

– Почему в развлечение, сэнсэй? – чуть не плача, спросила Мурка.

– А этих тогда зачем с собой притащили? – поворачиваясь, наконец, к мальчишкам и Катьке, гневно крикнул тренер. – Зачем подростки собираются компанией – чтобы дурака валять и ничего не делать!

Вадька укоризненно вздохнул. Такой крутой мужик – спортсмен, тренер, а сам такой же взрослый, как и все! И логика типично взрослая, совершенно в стиле любимого высказывания их с Катькой мамы: «Закрой рот и ешь суп!» Ну действительно, что еще им всем делать на чемпионате, кроме как отвлекать Мурку с Кисонькой от их сверхважных боев? Не преступников же ловить, в самом деле!

– Значит, так... – заключил тренер, тяжело глядя на неожиданных попутчиков. – Игрищ не будет, мы работать едем! Присматривать за вами я тоже не могу, у меня бойцы, мне ими заниматься надо!

– Не нужно за нами присматривать... – попытался было вякнуть Сева, но под взглядом тренера моментально сник.

– Вы мне сказки тут не рассказывайте, – отрезал тренер. – Вы же два дня в зале не высидите! Поедете в город гулять или еще зачем-то, вляпаетесь во что-нибудь обязательно, кроме меня, взрослых нет, значит, мне придется вас выручать эти трое... – он кивнул на несчастных девчонок и насупленного Ромку, – останутся одни, без тренера, тоже что-нибудь не то сделают – и плакало и чемпионство, и кандидатство, и спонсоры... Хотя спонсоры не заплачут, от них дождешься, как же! Короче! Вы! – властно скомандовал он своим. – Сейчас проводница принесет белье, переодеваетесь, пьете чай – и спать! Приезжаем ночью, а перед чемпионатом нужно хоть как-то выспаться! А вы... – Он повернулся к мальчишкам и Катьке, к тем, кого считал в их компании категорически лишними персонами. – На следующей станции сходите и отправляетесь обратно! – Он властно поднял руку, перекрывая любые возражения. – Не надо мне ничего рассказывать! Вы с нами не едете, и точка! А чтобы вам не пришла в головы глупая идея, что можно не послушаться... я свяжусь с вокзальной милицией, то есть полицией... Сообщу, что вы сбежали от родителей, и попрошу проследить, чтобы вы благополучно отправились домой.

– Нам родители разрешили! – возмущенно вскинулся Сева.

– Я почему-то думаю, что родители разрешили вам поехать с девочками... и их тренером? Вы ведь именно так сформулировали вопрос? – поинтересовался тренер и хмуро усмехнулся, увидев их физиономии, на которых четко было написано, что – да, так и сформулировали. – Только вы меня забыли спросить, согласен ли я взять вас с собой. И нечего тут реветь! – нервно прикрикнул он, увидев, как Катькины глаза наполняются слезами.

Мурка глядела на Вадьку в полном отчаянии. Рассказать тренеру о «ниндзя» и их угрозах? Можно договориться до того, что на следующей станции из поезда вылезут все!

– Молчи! – одними губами шепнул ей Вадька.

Кивнув сестре и Севе, он поднялся, и все трое гордо направились вон. В полном молчании они вернулись в свое купе. Мальчишки плюхнулись на полки и тупо уставились друг

на друга. Только Катька кинулась к оставленной на столе дорожной сумке... и в ужасе уставилась внутрь.

– Что же нам теперь делать? – спросил Сева, не обращая внимания на закаменевшую спину девчонки.

– Я знаю только одно, – глухим голосом откликнулась Катька, продолжая неотрывно глядеть внутрь сумки. – Вот теперь я точно не могу уйти из этого проклятого поезда! Даже если мне придется спрятаться в багажном ящике!

Вадька медленно поднялся, подошел к сестре и через плечо заглянул ей в сумку. Та была расстегнута и... практически пуста. Только поверх заткнутого на самое дно сменного свитера сиротливо лежали несколько белых перышек.

– Катька! – дрожащим от бешенства голосом выдохнул старший брат. – Ненормальная! Ты все-таки протащила в поезд гуся!

– А теперь, насколько я понимаю, гусь гордо удалился, – тоже заглядывая в опустевшую сумку, меланхолично заключил Сева. И со значением поглядел на приоткрытое окно вагонного коридора. В оставленную щель вполне мог протиснуться даже очень крупный гусь.

Катькины глаза наполнились ужасом.

Глава VI

Хомяки на пуделе

Стоявшая на столике опустевшего купе спортивная сумка покачнулась. Что-то надавило изнутри на плотно застегнутый замок-молнию, «собачка» медленно поползла вверх. В образовавшуюся щель высунулся широкий красный клюв, а следом «проклюнулась» и вся голова гуся. Оглядев пустое купе сперва одним любопытно поблескивающим черным глазом, потом другим, Евлампий Харлампиевич выбрался наружу, спрыгнул со столика на полку, а оттуда уже на пол. Повертел головой, критически оглядываясь по сторонам. Новый дом, в котором он очутился, был, пожалуй, слишком мал. И пуст. Но волноваться Евлампий Харлампиевич не стал – какое-то чувство подсказывало ему, что его стая поблизости. Свою стаю Харли любил, хотя и считал, что они слишком много суетятся, гогочут и вечно бессмысленно машут голыми крыльями. Наверное, из-за этих неудобных крыльев они и летают так низко, недалеко, недолго, и только если их кто-нибудь как следует подтолкнет!

Гусь протиснулся в щель приоткрытой двери. Во-от, другое дело – ряд широких окон и длинный коридор выглядели гораздо приятнее. Присутствие стаи Евлампий Харлампиевич ощутил моментально – они перегогатывались в соседнем четырехугольном загончике с кем-то чужим, но неопасным. Харли не обиделся, что его не взяли. Он понимал – бывают случаи, когда его друзьям без перьев приходится справляться самим. Но он не видел причин, почему бы на время их отсутствия не поискать другую компанию.

Для начала гусь вспорхнул на поручень у приоткрытого коридорного окна и высунул длинную шею в щель, наблюдая за проносившимися мимо окрестностями. На раскинувшемся под насыпью грязноватом пруду в подступающих сумерках ярко белели перьями деревенские гуси. Вожак немедленно разразился негодующим гоготом на наглого городского выскочку, нахально катившего мимо в человеческой грохочущей змее. Евлампий Харлампиевич презрительно гоготнул в ответ, намекая, что некоторым даже не диким, а просто темным лучше держать свои «га-га-га» при себе. Но бьющий прямо в клюв встречный ветер отнес его меткое шипение прочь. Решив больше не унижаться, он тяжело спрыгнул с поручня и направился на поиски кого-нибудь более цивилизованного и достойного его внимания. За дверями квадратных загончиков никого интересного не было. Гусь остановился перед дверью в конце вагона, соображая, как бы ему преодолеть это препятствие.

– Ты хочешь пройти? – спросил тоненький голосочек.

Гусь обернулся и увидел над собой девочку лет пяти с бантиками на тугих хвостиках и широко распахнутыми от любопытства глазами.

– Сейчас, – торопливо сказала девочка, распахивая перед ним двери.

Евлампий Харлампиевич хладнокровно вступил в грохочущий и подпрыгивающий тамбур и, балансируя крыльями, мелкими шажками миновал переход над стыком вагонов.

– Дальше, да? – девочка торопливо пробежала мимо и нажала ручку, открывая перед ним новую дверь, за которой оказался новый длинный коридор.

– Я с тобой не пойду, – предупредила девочка. – Мне и сюда мама не разрешала заходить. Двери я оставляю открытыми, чтобы ты мог в свое купе вернуться. – И умчалась рассказывать маме про гуся, который сам ездит в поезде.

Евлампий Харлампиевич осторожно заглянул в коридор и прислушался. Следовало сперва осмотреться – обычные человеческие существа очень нервно реагируют, когда к ним вдруг заходит гусь.

Из распахнутой двери одного загончика доносились скрипучие голоса, проговаривающие человеческие слова с совершенно нечеловеческой интонацией. Гусь подождал, пока человек выйдет, и проскользнул внутрь. На столике у окна стояла клетка, внутри которой

на жердочках сидели два пестрых попугая. Гусь приветственно курлыкнул и, вытянув шею, отодвинул засов клетки. Попугаи тут же выпорхнули наружу.

Три птицы – две летящие и одна шагающая – двинулись дальше. Еще через купе им удалось обнаружить кошку. Безмятежно спавшая ангорка открыла глаза, гибко потянулась, выпрыгнула из корзины и вместе с ними направилась к дверям в следующий вагон – на обследование незнакомой территории.

Евламий Харлампиевич был доволен. Все-таки, когда долго сидишь на одном месте, пусть даже это большой город, неизбежно становишься провинциалом, чей гусиный кругозор ограничен автомобилями да воробьями.

* * *

– ...Карлито! Карлито, мальчик мой! Вы тут не видели пуделя? – Маленькая старушка, сама похожая на серенького пуделька, выскочила в открытую дверь вагонного тамбура.

– В-видел. – Толстый мужчина в майке и спортивных штанах держался за ручку широко распахнутой межвагонной двери, словно боялся упасть, и с выражением полного обалдения на лице неотрывно глядел назад, в сторону тамбура. – Мимо меня прошмыгнул. На нем еще два хомяка ехали.

– Это не смешно! – пискнула старушка. – У меня пудель исчез, а вы со своими дурацкими шутками!

– А я вовсе не шучу, – обалдело ответил мужчина. – Хомяки сверху, два попугая по бокам... Какие тут шутки?!

* * *

– ...Ой, глядите, глядите! – В отличие от полупустых купейных вагонов плацкартный был набит под завязку. И сейчас со всех полок свешивались головы: пассажиры в полном изумлении уставились на шествующую через проход процессию.

Сперва пронеслись два попугая. Следом с королевской важностью выступал громадный белый гусь. За ним бойко постукивал коготками пуделек, на спине которого гордо восседали хомяки. Рядом с грацией пантеры, только маленькой, шествовала кошка. Хвост ее был высоко задран.

Животные оглядывали лежавших на полках людей, словно те были выставлены в специальном человеческом зоопарке, куда их компания явилась на воскресную прогулку. Но на середине вагона экспозиция поменялась. Вместо и вместе с людьми на полках и на полу лежали собаки. Очень разные собаки. Крохотные, как... – Евламий Харлампиевич поглядел на метавшихся под потолком попугаев – даже не как гусиное, а как попугайское крылышко, и громадные, как девятнадцать гусей или тридцать восемь тех же попугаев... Лохматые, как плед, на котором белый гусь любил подремать дома, и даже одна до неприличия голая собачонка, мелко дрожавшая и смущенно перебиравшая лапками.

– Тяф, – тихонько сказал пуделек, останавливаясь и в растерянности приподнимая переднюю лапку. Хомяки, сидевшие на его спине, встали любопытными столбиками, кошка замерла...

Возлежавшая на вагонной полке пушистая северная лайка лениво приоткрыла один глаз... и уставилась в невесть откуда взявшуюся перед ней наглуую кошачью морду. Лайка заворчала – скорее недоуменно, чем злобно. На соседней полке поджарый доберман поднял голову со скрещенных лап и воззрился на мелкое недоразумение вроде бы собачьей породы, но почему-то позволяющее каким-то грызунам гнездиться на его спине... В глазах добермана медленно разгорался зловещий красный огонек. И тут над головами собак захлопали

крылья, а кошка дернула усами и чихнула прямо лайке в нос. Оскорбленная лайка запрокинула голову и разразилась частым истерическим лаем.

Евламий Харлампиевич попятился, широко разводя крылья... Кошка выгнула спину и, топорща шерсть, угрожающе зашипела.

– Гав! – грянуло в ответ гулко, как из бочки, и из прохода между полками неспешно выступил черный ротвейлер.

Резким рывком выдергивая поводок у хозяина, вскочил доберман, лихим прыжком спорхнула с полки лайка, а из соседнего отделения выглянула квадратная морда эрдельтерьера...

– Громобой, стой! – кричали люди. – Лорд, к ноге! Кики, сидеть! – И даже: – Густав Адольф Кристиан III, сейчас же вернись обратно!

Но было уже поздно.

Глава VII

За гусем туда и обратно

– Как ты могла! – заорал Вадька, нависая над сестрой. Сбавил тон, настороженно поглядывая на стенку соседнего купе, яростно зашипел: – Зачем здесь гусь?

– Евлампий Харлампиевич не может сидеть все время на одном месте! – зашипела в ответ Катька. – Вон, родители Мурки и Кисоньки каждый год их путешествовать возят!

– Она действительно ненормальная! – наплевав на возможных слушателей, в полный голос взвыл Вадька. – Близняшек родители путешествовать возят, так она решила и своего гуся в люди вывезти! Матушка Гусыня!

– Ну, теперь-то проблемы с гусем решатся раз и навсегда, – пробормотал Сева, и в тоне его было не злорадство, а настоящее, искреннее беспокойство. – Харли пропал, а нас тренер высадит на следующей станции.

По Катькиным щекам покатались крупные слезы. Вадька прикусил губу, уставившись в неширокую щель полуприкрытой двери. Вроде по вагонному коридору кто-то ходил, вроде бы ребята какие-то пробежали, и много, но погруженный в невеселые мысли мальчишка ничего не замечал. Одно дело грозить расправиться с проклятым гусем, но совсем другое – если тот и впрямь свернет свою длинную шею. Сестра вон ревет, а близняшкам он что скажет – те Харли любят. И вообще, что за «Белый гусь» без белого гуся?

– Может, у проводницы спросим? – наконец предложил Вадька.

Сева затряс головой:

– Хочешь, чтобы нас оштрафовали? Твоя дурацкая сестрица наверняка же ему «звериный» билет не купила! Гусь-то наш теперь – «заяц»! Сами его найдем. Раньше следующей станции нас не высадят. – Сева решительно вышел из купе. Вадька и Катька выскочили следом.

В коридоре они остановились, неуверенно глядя то вправо, то влево.

– Знать бы еще, в какую сторону он пошел? – потерянно пробормотал Вадька.

– А я тебе говорю, был гусь! – из купе в конце вагона послышался обиженный детский крик. – Волшебный! Он меня попросил дверь ему открыть!

Катька и мальчишки переглянулись и ринулись к тому купе.

– Тише, тише! – с легким раздражением – и чего только эти дети не придумают! – пыталась остановить свою дочку мама. – В поезде не может быть гуся.

– А я говорю – был! Ну почему ты мне не веришь? – топнула ногой девочка лет пяти, с бантиками на тугих хвостиках волос.

– Извините. – В открытой двери купе возникла очкастая мальчишеская физиономия. – А куда он пошел, этот гусь?

– Туда! – моментально ответила девочка, указывая пальчиком в сторону соседнего вагона. – А правда же, был гусь? – требовательно спросила она.

– Был-был, чтобы он пропал! – рявкнул мальчишка, кидаясь к вагонной двери.

– Чтобы он нашелся! – возразила бежавшая за ним девочка.

– Когда он найдется я сверну ему шею! И тебе тоже! – пригрозил Вадька сестре. И только Сева выскочил в тамбур молча...

– Видишь, мама, они тоже говорят, что гусь был! – с торжеством провозгласила девочка с бантиками.

– Старшие ребята просто играют с тобой, деточка! – успокаивающе сказала мама.

Распахнув дверь тамбура, ребята нырнули внутрь. Вслед им несли отчаянный детский рев и настырные крики: «Был гусь, бы-ы-ыл!»

– Одно расстройство от твоего гуся, – рыкнул на сестру Вадька и понесся через вагон, походя заглядывая в купе.

– Не видели, попугаи не пролетали? – спросила его молодая девушка, оборачиваясь от опустевшей клетки.

Вадька мотнул головой и помчался дальше. Навстречу ему выскочила седенькая старушка:

– Вам пуделек не попадался? Черненький, весь в хомяках?

– Это мои хомяки в вашем пуделе! – нагоняя ее, закричала полная тетка в спортивном костюме.

– Боже мой! – Старушка схватилась руками за голову. – Тут в одном из вагонов люди на выставку собак едут! Громadne псы – мой Карлито им на один зуб!

– Ваш пудель специально похитил моих хомяков – чтобы скормить их этим чудовищам! – немедленно обвинила ее полная тетка. – Собачий агент! Наводчик!

– Не говорите глупостей! Карлито – кристальной честности пудель, я на сосисках проверяла! – отрезала старушка, и обе заторопились дальше на поиски.

– По крайней мере, с нашим Харли все в порядке, – провожая их взглядом, ухмыльнулся Сева. – Иначе с чего бы все это зверье с места тронулось? Слышь, Вадька, ты заодно поглядывай, нет ли тут «ниндзя» в черных спортивных костюмах.

– Думаешь, они здесь? – переспросил Вадька, продолжая заглядывать в каждое купе в поисках Евлампия Харлампиевича.

– Наверняка. На чемпионат едут – иначе зачем вообще историю с угрозами затевать?

– Нам девчонок охранять надо, а мы твоего гуся ищем! – рявкнул на сестру Вадька.

– Много мы наохраниаем, если нас на следующей станции высадят! – огрызнулась Катька. – У «ниндзя» целая ночь будет! Надо быстро найти Харли и...

– Харли нашелся! – едва успел выпалить Сева.

Дверь, ведущая из соседнего вагона, распахнулась. Послышался шум крыльев... и над головой ребят сперва пронеслись попугаи. Следом, отчаянно молотя крыльями о стены узкого прохода, пытался лететь огромный белый гусь. Не удержался, шлепнулся на протертую ковровую дорожку и, суетливо перебирая перепончатыми лапами, побежал дальше.

Попеременно то шипя, то подвывая от ужаса, вдоль вагона даже не бежали со всех лап, а просто летели маленький черный пуделек с развевающимися ушами и двумя отчаянно вцепившимися в него хомяками на спине и ангорская кошка. А за ними...

Издав короткий вопль, сыщики ринулись в ближайшее открытое купе. Вслед за пудельком и кошкой, почти вися на их испуганно поджатых хвостах, сплошным мохнато-зубастым потоком хлынула взлаивающая и рычащая свора разнокалиберных собак. Прокатилась по коридору и исчезла вслед за беглецами в распахнутой вагонной двери.

– За Евлампием Харлампиевичем собаки гонятся! – завершала Катька. – За ними, скорее! – Она осеклась, увидев вдруг, что именно так пристально и в таком каменном молчании разглядывали парни.

Купе, в котором они прятались от собак, было совершенно пустым. Только на нижней полке кучкой были свалены спортивные рюкзаки – пять штук. Да на крючках висели черные спортивные куртки – тоже пять.

Мальчишки переглянулись.

– Если это купе наших «ниндзя», то где они сами? – тупо спросил Вадька.

– В туалет пошли, – предположил Сева.

– Все – в один? Или они распределились? Два с половиной вагона и в каждом туалете – по «ниндзя»? – едко поинтересовался Вадька, явно намекая приятелю, что тот – тупой.

– Вы тупые? – страшным шепотом спросила Катька. – За нашим гусем собаки гонятся, за нашими ребятами «ниндзя» пришли, а вы какую-то чушь несете?

Вадька поглядел на сестру, вспоминая, как мимо приоткрытой двери их купе промелькнули силуэты каких-то ребят, мысленно признал, что он и впрямь поглупел, и со всех ног рванул обратно.

Глава VIII

Всех ниндзя за борт!

Поезд сбавил ход и мерно застучал по рельсам, направляясь к вокзалу. Окна грязно-серых хрущевок окраины уже светились желтыми квадратами. В самом вагоне свет сперва ярко вспыхнул, а потом медленно потускнел, погружая его в полумрак.

Пацан в белой футболке и черных спортивных штанах переждал, пока в другом конце вагона затихнет суматоха, – двое мальчишек и девчонок, явно кого-то разыскивая, на рысях рвались в тамбур... Наконец эта троица убралась в другой вагон, и тогда пацан торопливо постучался в дверь купе. Та отодвинулась, и, перекрывая собой проход, наружу выглянул тренер. В полумраке за его спиной две рыжие девчонки и парень, лежа на своих полках, обиженно пялились в окно.

– Извините. – Мальчишка в белой футболке отступил в сторону, чтобы из купе его лица нельзя было разглядеть. – Вас просит подойти начальник поезда. Вместе с проводницей вашего вагона. Говорит, это срочно...

– Что такое? – недовольно спросил мужчина.

– Я не знаю, меня только попросили передать, – отступая еще дальше, пробормотал мальчишка.

Тренер буркнул себе под нос нечто невнятное недовольным тоном, потом, словно что-то сообразив, оттолкнул паренька, выскочил в коридор и дернул соседнюю дверь. Оглядел пустое купе и выругался в полный голос.

– Так я и знал! – процедил он, возвращаясь. – Ваши дружки сбежали и во что-то вляпались! Меня вызывают к начальнику поезда...

– Они хорошие ребята! – раздалась два протестующих девчоночьих голоса.

– Вот только свяжись с детьми! Я пойду узнаю, что там, а вы... – мужик грозно глянул на лежавшую на полках троицу, – из купе не выходить! Даже с полка не вставать! Кто хотя бы приподнимется, того высажу! Вы меня знаете! – Он плотно захлопнул за собой дверь и направился по коридору к купе проводника. Через мгновение они появились вдвоем – проводница о чем-то недоумевающе спрашивала и косилась на часы, а тренер лишь пожимал плечами – и вышли из вагона. Дверь тамбура захлопнулась.

Из темноты коридора выскользнули четыре невысокие фигуры – в таких же, как на мальчишке, одинаковых белых футболках и черных спортивных штанах. Очутившись рядом со своим приятелем, они быстро натянули легкие пластиковые респираторы, пряча лица. Один нагнулся к двери, прислушался, выпрямился и коротко кивнул, отступая. Его место мгновенно занял второй, державший в руках небольшой – не больше дезодоранта – круглый баллончик с гибкой трубкой на конце. Затолкал трубку под дверь и отвернул крохотный вентиль. Раздалось тихое шипение.

– Чем это пахнет? – через пару секунд из-за двери купе послышался Кисонькин голос. – Какой-то парфюмерный запах...

– Н-не знаю, – заплетающимся языком ответил Ромка.

– Наружу, быстро! – скомандовала Мурка. Слышно было, как она вскочила... Ручка дрогнула – и судорожными рывками дверь поехала вбок. На пороге появилась всклокоченная Мурка и нос к респиратору столкнулась с не успевшим отпрянуть «ниндзя». Следом за ней из купе выпорхнуло легонькое облачко газа. Дальше все происходило очень быстро. Муркины глаза полыхнули бешенством, она рванулась к «ниндзя» и сдернула с него маску так резко, словно решила оторвать ему голову. «Ниндзя» судорожно закашлялся и рухнул на четвереньки в узком проходе. Окутанная ядовитой серой дымкой рыжая повалилась сверху,

сжимая маску в кулаке и, как мельница, молотя руками. Потом неожиданно замерла, сползла со своего противника, плюхнулась на задницу – и тоненько захихикала.

– Хватай ее! – толкая в плечо своего потерявшего маску товарища, глухо приказал другой «ниндзя». В ответ ему раздалось... такое же тоненькое хихиканье.

– Идиот! – прошипел сохранивший свою маску «ниндзя», и только сейчас стало слышно, что говорит девчонка.

– Вали отсюда! – Она толкнула подельника и нагнулась над сидевшей на полу Муркой. Ухватила ее за ворот футболки и рывком подняла с пола. – Берите остальных!

Повинуясь команде, троица «ниндзя» протиснулась в купе – и была встречена лучезарными улыбками Кисоньки и Ромки.

– Здравс-си, – едва не свалившись с койки, Кисонька вежливо кивнула вошедшим. – Извините, а как вы все здесь помещаетесь? Купе такое маленькое, а вас три... шесть... двенадцать... – Кажется, в глазах у нее двоилось и троилось.

– Быстрой, до вокзала всего минута! – послышалось из коридора. Двое «ниндзя», кажется мальчишки, двинулись к Ромке и попытались стащить его сверху, но Лавров обеими руками обхватил металлическую стальную цепочку, на которой держалась полка.

– Не пойду, – ответил он, – тренер сказал не вставать с полки, а не то высадит, – я и не вставал. Это Мурка вставала, ее и высаживайте! – И он вцепился еще крепче.

– А я пойду! – с пьяной решимостью объявила Кисонька и вдруг сама встала. Ее качнуло из стороны в сторону, и она бы обязательно приложилась лбом, если бы девчонка в респираторной маске не успела подхватить ее. – Если мою сестру высаживают с поезда, то я тоже высажусь... Высажусь... Усядусь... – И она попыталась плюхнуться обратно на полку.

Девчонка в маске поймала ее под руку, направляя к двери купе. Кисонька покорно побрела в коридор. Позади двое парней за ноги волокли с верхней полки Ромку. Не переставая глупо хихикать, он за все цеплялся, но пальцы соскальзывали с гладкого пластика. Поезд замедлил ход и неторопливо втянулся под крышу платформы.

Мурка неожиданным рывком освободилась от держащей ее девчонки... но не ударилась в бега, а повисла на шее у сестры.

– Куда мы идем? – заплетающимся языком спросила она.

– Высаживаться из поезда, – глядя ей в лицо, строго объявила Кисонька. – Сэнсэй велел высаживаться, если встанем с полок, а мы встали... Видишь, стоим. – В подтверждение Кисонька топнула об пол, попала по ноге напиравшей сзади девчонки в маске. Та взвыла и запрыгала на одной ножке, толкнула Кисоньку на Мурку. Все трое рухнули в коридор. Мальчишки бросили Ромку и кинулись на помощь к своим подругам. Ромка тут же забрался поглубже на полку и обнял родную цепочку. Из общей кучи появилась рыжая голова Мурки.

– Указания тренера надо выполнять, – со всей серьезностью заключила Мурка... и сама, без всякой поддержки, заковыляла в сторону тамбура. – Велел тренер вы... вы... выкинуться из поезда – значит, выкинемся!

Парни наконец отодрали Ромку от полки – и тот рухнул в проход, дрыгаясь во все стороны и не позволяя ухватить себя за ноги. Неожиданно он прекратил сопротивление и, когда обрадованные парни вцепились ему в щиколотки и запястья, с царственным снисхождением бросил:

– Ну и несите меня! И буду я король!

– Не нравится мне это, – пробормотала из-под респиратора шедшая первой девчонка. Распахнула тамбурную дверь, придерживая Мурку за плечо, чтобы та в своем порыве выкинуться из поезда не приложилась головой об косяк. – Нечестно. Мы могли бы и так справиться.

– Мы должны делать, что он велел, – резко ответила вторая.

– Но им же от этого газа ничего плохого не будет? – Сомнения все еще мучили первую девочку.

– Утром очухаются!

– Попугаи летят, – разглядывая потолок, мечтательно сказала Мурка. – К весне...

Над головой послышался шум крыльев... и пролетела пара попугаев. Девчонка в маске на мгновение зажмурилась.

Но стоило ей открыть глаза, как следом прискакали хомяки верхом на загнанном пуделе. И началось такое!

На голову ей с мявом брякнулось что-то мягкое... пушистое... и когтистое!

Следом, раззявив алую и жаркую, как доменная печь, пасть, кинулся ротвейлер. Девчонка завизжала, прощаясь с жизнью. Ротвейлер со всего маху толкнул ее лапами – и она свалилась на ковровую дорожку вагона. Кошка одним прыжком взлетела на полуоткрытую тамбурную дверь. Девчонка почувствовала, как по ней протопали лапы, – вставший на дыбы ротвейлер пытался «скусить» кошку с двери.

В вагонный коридор хлынула рычавшая свора разнокалиберных собак. И каждая пробежала мимо валявшегося на полу баллончика, из которого еще сочилась слабая струйка газа. Эффект газа на собачьи организмы сказался совершенно различным образом. Мохнатая лайка, поскуливая, завалилась на спину, явно желая, чтобы кто-нибудь почесал ей брюхо. Доберман с диким блеском в покрасневших глазах кинулся на одного «ниндзя» и распорол ему штанину сверху донизу. Остальным псам идея понравилась – на «ниндзя» повисла целая гирлянда собак. Над головами этой кучи-малы, как барражирующие истребители, носились попугаи. Прикрываясь руками и пытаясь стряхнуть рычавших псов, «ниндзя» вырвались...

Неожиданно невесть откуда вылетел громадный белый гусь. Грудью ударил одного «ниндзя», вбивая его в вагонную дверь. Гусиный клюв нацелился в глаз... мальчишка увернулся, гусь долбанул клювом пластик и зашипел. Парень нашарил ручку двери и с воплем выпал в тамбур. Во всех купе уже слышались тревожные и недоуменные возгласы, где-то зажегся свет, кто-то рванул дверь... Поезд дернулся и встал.

По коридору забухали шаги. Вадька вихрем пронесся мимо загнанных в тамбур «ниндзя», подскочил к поездной двери, отжал какой-то рычаг. Вагонная дверь открылась. Он схватил за плечо замаскированного респиратором мальчишку, выбитого гусем в тамбур, и, недолго думая, толкнул его вниз, на перрон. Налетевшие из глубины вагона Сева и Катька вдвоем наперли на шатавшихся под тяжестью собак «ниндзя» – и прямо вместе с собаками вытолкнули их следом. Оставшаяся на ногах девчонка выдернула подругу из-под топтавшихся по ней лап, и они рванули в открытый проем. Псы залаяли вслед, не зная, гнаться за беглецами или заняться теми, кто еще остался в тамбуре, – включая кошку... Как вдруг с перрона на разные голоса закричали:

– Лорд! Быстро ко мне, наша станция! Громобой, сюда! Густав, Арч, Матильда... Плохие собаки! Мы не попадем на выставку!

Гигантский ротвейлер прислушался, насторожив ухо... разочарованно лязгнул зубами на кошку – и одним прыжком вымахнул на платформу. Псы мохнатым ковром хлынули за ним.

Последний одинокий голос завопил:

– Кики, ужасная собака! Где ты бегаешь?

Подставлявшая неизвестно кому пузо лайка перевернулась, совсем по-человечески сожалеюще вздохнула и неспешной трусцой покинула вагон.

Встрепанный гусь торжествующе загоготал ей вслед.

Вадька с грохотом захлопнул дверь. В ту же секунду поезд снова тронулся, постепенно набирая ход.

– А ты в выставке не участвуешь? – переводя дыхание, спросила Катька у дрожавшего в углу пуделька.

Противоположная дверь тамбура распахнулась, и в нее протиснулся тренер, твердя следующей за ним проводнице:

– Да откуда же я знаю, что за пацан, я сам его впервые...

И тут он осекся, увидев тяжело дышавших приятелей своих бойцов, какое-то невразумительное мелкое зверье, шнырявшее по площадке тамбура и... Дальше по коридору в распахнутой двери – самих бойцов: Мурку, прислонившуюся к пластиковой стене вагона, повисшую на ней Кисоньку и Ромку, в позе падишаха возлежавшего на ковровой дорожке, где его и обронили переключившиеся на псов «ниндзя».

Глава IX

Куда воткнуть ветку сакуры?

– Вы почему не высадились, как я велел? – по инерции рявкнул тренер на Вадьку с Севой.

Вадька оторвался от окна тамбура, где, медленно удаляясь, барахталась на перроне куча-мала из пяти «ниндзя» и распределялись по хозяевам возбужденно прыгавшие собаки. Ну и как прикажете отвечать?

Но тренер уже кинулся к Мурке:

– Что происходит? Что вы здесь делаете?

Придерживаясь за стенку, чтобы не свалиться, Мурка подняла глаза.

– Мы выбрасываемся из поезда, – заплетающимся языком сообщила она. – Как вы велели. Где тут стоп-кран? – Она решительно огляделась в поисках стоп-крана, но расфокусировавшиеся глаза никак не могли сойтись на красной ручке, торчавшей у самого ее носа. – Мы на остановке не успели...

– Какой стоп-кран? – испуганно завизжала проводница и налетела на тренера. – Вы детям кто? Отец?

– Тренер я, – потерянно ответил тот.

– А родители знают, что вы их детей из поезда выкидываете? – возопила проводница, глядя на него почти с ненавистью.

– Да не выкидываю я никого, – растерянно запротестовал тренер.

– А мальчика о чем спрашивал? – Проводница грозно уперла руки в бока. – А девочка о чем говорит?

– Девочка не соображает, что говорит! – вскричал тренер, и только тогда до него дошло, что он сказал чистую правду. Он заглянул в улыбчивую физиономию Мурки, услышал Кисонькин тихий непрерывный смех, повернулся к лежавшему Ромке...

– А это что такое? – одновременно закричали тренер и проводница, с двух сторон кидаясь к баллончику с газом.

– Не трогайте! – предостерегающе заорал Вадька.

Но взрослые, даже не обернувшись на его тревожный крик, уже вцепились в баллон и теперь вырывали его друг у друга из рук. Неловкое движение, крохотный вентиль провернулся – остатки сладковато пахнущего газа вытекли наружу.

Проводница мелко захихикала:

– Высадить, говорите? А давайте! Я всю жизнь мечтала какого-нибудь пассажира высадить в чистом поле! Где тут этот стоп-кран? – Она зашарила руками в опасной близости от красной ручки.

С глухим воплем Вадька подскочил к ней, схватив за руку, положил ее ищущие пальцы на ручку ее собственного купе. Проводница дернула ручку туда... сюда... Дверь плавно отъехала. Вадька легонько подтолкнул женщину, проводница ввалилась внутрь, плюхнулась на полку. Вадька торопливо захлопнул дверь и, вытащив из кармана маленькие плоскогубцы, закрыл замок купе снаружи. Авось пока проводница не очухается, мозгов, чтобы открыть дверь изнутри, у нее не хватит.

– Зверушки, – сведя глаза в кучку, задумчиво сказал тренер. – Хомячки, попугайчики... Гусик. А когда высаживаться будем? – заплетающимся не хуже, чем у его бойцов, языком поинтересовался он.

– На следующей станции, – безапелляционным голосом строгого родителя сказал Вадька.

– Ты что, с ума сошел? – накинулась на него Катька.

– Это ты с ума сошла, – яростным шепотом ответил Вадька. – Следующая – наша, приехали. Все будет, как вы велели, – снова заверил тренера Вадька. – А сейчас вам надо пойти в купе... лечь на полочку... поспать... – тоном психиатра, охмуряющего буйного психа, ворковал Вадька, подталкивая тренера к купе. Сосредоточенно слушавший его тренер послушно двинулся внутрь. Слышно было, как он плюхнулся на койку.

– И почему, чтобы взрослые начали детей хотя бы слушать, их сперва надо каким-нибудь газом обкурить? – возводя глаза к потолку, риторически спросил Вадька.

– Можно еще по голове дать, – рассеянно ответил Сева. – Слушай, Вадька, расследование расследованием, а может, нам и правда поезд остановить? Или хотя бы врача поискать?

– Не надо. – Подобрал баллон, Вадька разглядывал этикетку. – Я, конечно, в химии не очень-то разбираюсь, но кое-что читать приходилось. Это легкое психотропное средство. – Он помахал баллончиком. – Для здоровья безопасно. Доза небольшая. К утру они должны сами очухаться.

– Надо же, какие «ниндзя» пошли гуманные, – хмыкнул Сева, подхватывая Кисоньку.

– Они ничего, нормальные, – повисая на Вадьке, вдруг объявила Мурка. – Просто они должны делать, что он велел.

– Кто – он? – поддерживая ее, осторожно поинтересовался Вадька, но Мурка лишь бессмысленно уставилась на него в ответ – похоже, она сама уже не помнила, о чем только что говорила.

Катька с сомнением поглядела на так и валявшегося на коврик Ромку и, решив, что его пятьдесят пять кило ей, пожалуй, не осилить, подняла с пола пуделька и изъяла из-под титана притаившихся хомяков. Попугаи сели на ее плечи, а нервно вылизывавшаяся после всех этих переживаний кошка выгнула спину и горделиво пошла впереди. Гусь ревниво гоготнул и пошлепал следом.

– Я пока зверей по купе разведу, – объявила Катька.

Вернувшийся следом за Ромкой Сева согласно кивнул и вдруг широко и радостно улыбнулся:

– Одно хорошо – от «ниндзя» мы избавились кардинально. – И в ответ на вопросительные взгляды друзей пояснил: – Я расписание смотрел. Следующий поезд в этом направлении пойдет только через двенадцать часов. Если все дело в чемпионате – «ниндзя» уже опоздали. По большому счету, мы можем действительно поворачиваться и ехать домой.

Из двери купе высунулся тренер и, пошевеливая пышными седоватыми усами, голосом капризного дитяти осведомился, тыча пальцем в живность вокруг Катьки:

– Можно мне одну зверушку? Я без зверушки спать не привык!

– А ты говоришь – поворачиваться и ехать! – пробормотал Вадька, когда следом за ним из купе вырвался Ромка с криком «Я тебя узнал!» и тут же объявил Вадьку великим сэнсэем Такэда Сокаку², после чего немедленно потребовал выслушать только что сочиненное им хокку³:

– Училка по физике со злорадной ухмылкой Малюет мне в дневнике иероглиф «2». Убил бы, да выживет.

– Какое же это хокку! – возмущенно завопила из купе Кисонька. – Ты слоги посчитай! – и застыла, остановившимся взглядом вперившись в пространство – видно, считала.

– Что истинному поэту слоги! – туманно-восторженно сообщил новоявленный поэт. – Сюда надо только еще ветку сакуры воткнуть – в каждом японском стихотворении обяза-

² Сокаку Такэда (1859–1943) – основатель одной из школ дзю-дзюцу, искусства рукопашного боя, известного т. н. мягкой костью, податливостью движений.

³ Хокку – традиционный жанр японской поэзии, представляющий собой трехстишие в 17 слогов (5 в первой строке, 7 – во второй, 5 – в третьей).

тельно должна быть ветка сакуры. Вот куда мне ветку сакуры воткнуть, великий сэнсэй? – со всей возможной почтительностью поинтересовался Ромка.

Вадькины губы дрогнули, он уже хотел было во всех подробностях объяснить Ромке, куда конкретно ему воткнуть ветку сакуры, но сдержался. Обеспокоенно оглядываясь на высывавшиеся изо всех купе головы любопытных пассажиров, он затолкал и Басё⁴ наших дней, и тренера обратно в купе.

⁴ Мацуо Басё (1644–1694) – великий японский поэт, теоретик стихосложения.

Глава X

Ночь сумасшедшая, но недолгая

Подсвечивая себе фарами, к платформе медленно и аккуратно подрулил обшарпанный «рафик». Из него выскочил Сева.

– Грузитесь скорее, счетчик тикает, – недовольно скомандовал он.

– Мы уже приехали? Мы на чемпионате, да? – самостоятельно спрыгивая с платформы, спросил Ромка.

Обманутый его почти разумным вопросом, Вадька на беду ответил «да». Ромка немедленно встал в боевую стойку, собираясь тут же начать спарринг с шофером «рафика», вылезшим из-за руля, чтобы помочь с вещами. Вадька едва успел Ромку перехватить и затолкать на заднее сиденье, велел сидеть и думать – куда же все-таки воткнуть ветку сакуры. Ромка сосредоточенно затаил – авторитет Такэда Сокаку был для него по-прежнему непререкаем.

Мурку, Кисоньку и тренера удалось сгрузить без всяких проблем. Тренер почти спал на ходу, нежно прижимаясь щекой к пушистым перьям Евлампия Харлампиевича. Даже на гусяном клюве было написано мученическое долготерпение – он согласился побыть «зверушкой» для неунимавшегося тренера, но на уговоривших его на такое унижение Катьку с Вадькой обижался по-прежнему.

– Они у вас что, пьяные? – выглядывая из-за машины, опасливо поинтересовался шофер.

– Не, просто обкуренные, – запихивая в багажник сумки и мучительно размышляя, куда же приткнуть запакованную в целлофан длинную палку, которую таскала за собой Кисонька, рассеянно бросил Вадька, не сообразив, какое впечатление могут произвести его слова на владельца «рафика».

– И взрослый тоже? – с ужасом переспросил шофер.

– Ну да, они уже отключились, а он в последнюю минуту баллон выхватил и все остатки подобрал, – так же рассеянно откликнулся Сева, залезая в «рафик».

Похоже, картина, сложившаяся в голове шофера после этих слов, была просто жуткой. Он уже жалел, что согласился взять таких пассажиров. От того, чтобы их высадить, его удерживал лишь страх перед Ромкой – начнешь его гнать прочь, а он опять в буйство впадет. Зато с места «рафик» принял на такой скорости, что начавших подремывать на заднем сиденье девчонок, тренера и Ромку швырнуло вперед. Ромка продекламировал на удивление в тему:

– Шофер, некрепко держащий баранку, Заставит любимую плакать...

И после драматической паузы торжественно добавил:

– ...Лишь ветер беспечно играет ветками сакуры.

Окончательно ошалевший водитель сперва резко тормознул, едва не впилившись в бордюр, но все-таки сбросил скорость.

«Рафик» вырвался из города и теперь несся по ночному шоссе. За окном промелькнул указатель: «Пансионат «Спортивный», машина втянулась в жиденький хвойный лесок и покатила по грунтовке между редкими рядами сосен. Щебень скрипел под колесами и колотил в днище. Впереди засветились окна пансионата. «Рафик» ввалился в распахнутые ворота и остановился напротив освещенного входа. Ребята едва успели выгрузиться, как шофер ударил по газам и «рафик» на полной скорости умчался.

Клевавший носом над полутемной стойкой портье покорно вздохнул, увидев на пороге очередную компанию. Что вы хотите – чемпионат, всю ночь кто-нибудь приезжает. Правда, такой экзотической компании он еще не видел. Ну, во-первых, впереди солидно вышагивал белый гусь, что само по себе было достаточно необычно. Гусей – настоящих, с перепончатыми лапами и крыльями, – он среди спортсменов еще не видел. Во-вторых, люди тоже

выглядели странно. Четверо – две девочки, мальчишка и здоровенный усатый мужик – беспорядочно закружили по холлу, тычась во все углы, как потерявшиеся щенки. Оставшиеся трое побросали вещи и кинулись ловить приятелей. Портье глядел на компанию с сомнением, пытаясь угадать, кто же из этих ненормальных – тренер. Если судить по поведению – им мог быть только гусь. Единственный солидный персонаж.

Но к стойке портье двое усталых и до предела раздраженных мальчишек подволокли мужика с усами. После недолгих поисков, выкопав из его кармана паспорт, они потребовали комнату для тренера... для тренера Карташова с командой. Тренер во время всей этой процедуры непрерывно хихикал, словно его щекотали.

Качая головой – ох и тренеры пошли! – портье принялся оформлять документы.

– Мест мало, так что мы в вашу комнату раскладушку поставили, – сухо сообщил он, протягивая ключ. И предваряя любые возражения, объявил: – Мы вообще уже собирались ваш номер команде из Харькова отдавать. Говорили, вы не участвуете...

– Почему это? – Уже собравшийся уходить Вадька стремительно обернулся.

– Не знаю. – Портье, казалось, сам растерялся. – Но я определенно слышал, как кто-то говорил, что Карташова не будет... – Он нахмурился, припоминая. – Не помню, кто...

Вадька с Севой многозначительно переглянулись.

– Но мы все-таки приехали, – оптимистично заключил Вадька. – Теперь бы еще до комнаты добраться, – уже с легким сомнением добавил он, поглядывая на ребят и тренера. Тех хоть и шатало, но шли они уже вполне самостоятельно, да и приставать к окружающим больше не пробовали. Буйное возбуждение начало сменяться сонливостью. Вадька заторопился – еще заснут, тащи их потом! – и погнал всю компанию к лестнице. Спортсмены во главе с тренером упорно, как муравьи, полезли на второй этаж.

Широко расставив ноги и перегородив дверь в коридор, на площадке второго этажа стоял тощий и жилистый, как мумия, дедок в спортивном костюме. И с любопытством разглядывал тянущуюся по лестнице процессию. Лезший впереди тренер чуть не уперся макушкой дедку в живот, медленно поднял глаза и прогундосил:

– Здра-с-си!

Вадька уже хотел вежливо попросить дедушку отойти в сторонку – видит же, люди ползут! – как старичок подслеповато прищурил выцветшие глазки и, слегка пощелкивая вставной челюстью, прошепелявил:

– Так, так, кто тут у нас? Сейчас, сейчас вспомню! А, маленький Карташов!

Вадька поглядел на здоровяка тренера с сомнением – в нормальном-то состоянии он этого дедка головы на две повыше. И в плечах втрое шире.

– А говорили, не приедет! – удивился спортивный дедок.

– Вы не знаете, случайно, – кто именно говорил? – Из-за спины тренера высунулся Сева.

Старик честно призадумался. Лицо его озарилось вспыхнувшим воспоминанием.

– А все говорили! – выпалил он и поглядел на ребят с явным удовольствием, что сумел ответить на их вопрос.

Сева и Вадька дружно вздохнули. Кажется, выяснить, кто же это был так уверен, что ребят удастся убрать с чемпионата, в ближайшее время им не светит.

– Только спортсмены какие-то... вялые. – Дедок неодобрительно прищурился на цеплявшихся за перила ребят.

– А это... новая система! Сперва спортсмены полностью расслабляются, экономят этот... свой дзэн, вот! – выпалил Вадька первое пришедшее в голову японское слово. – А потом как дадут им по противнику!

– Ты уверен, что дадут именно дзэном? – Дедок непроницаемыми глазами смотрел на мальчишку.

– Ну, если ничего другого не найдут. Кирпича там... – Вадька почувствовал, что окончательно зарпортовался, и умолк.

Дедок покивал головой и тут же снова спросил:

– А гусь зачем?

Вот настырный!

– Талисман команды, – встряла Катька. – Вроде группы поддержки.

– Совсем обамериканились, – грустно заключил дедок и потрусил вниз. Окружавший его желтоватую лысину венчик седых волос исчез за поворотом лестницы. Мальчишки и Катька, подпихивая своих уже почти заснувших подопечных, полезли дальше.

После долгого пути по коридору они ввалились в маленькую комнатку, едва не споткнувшись о воткнутую посредине раскладушку. Вдоль стен тянулись двухъярусные нары.

Вещи полетели на пол. Уже почти не соображая от усталости, что они делают, ребята отконвоировали подопечных по нижним койкам. Раскладушка досталась тренеру. На автопилоте Вадька прихватил простыню и полез наверх, едва успев скинуть кроссовки. Его измученный мозг окутала блаженная тьма.

Ему казалось, он не спал ни минуты. Мешал проклятый дятел, долбивший клювом прямо в череп. Потом дятел раззявил клюв и человеческим голосом весело прокричал:

– Подъем! Все на взвешивание! Начало чемпионата – ровно через два часа!

И полный ужаса Севин голос:

– Ты говорил, к утру очухаются! А они – никакие!

Глава XI Недоброе утро

– Б-р-р. – Вадька с трудом приоткрыл глаза, сел в постели и душераздирающе зевнул. Некоторое время тупо смотрел на еще розоватое от рассветных лучей небо. Из глубин его затуманенных усталостью мозгов медленно всплывала некая мысль. – А... А который час? – попытался он облечь эту мысль в слова.

– Полседьмого! – мрачно откликнулся снизу Сева.

Вадька потер ладонями лицо. Учítывая, что приехали они в четыре утра, полседьмого – это кошмар! Как-то он не предполагал, что эти ненормальные начинают свои соревнования с утра пораньше. Нет чтобы выспаться, позавтракать...

Тяжело, словно мешок с мукой, он свалился с койки, натянул валявшиеся внизу штаны и только тогда тупо уставился на спортсменов. Те не буйствовали. Они просто лежали, безучастно глядя в потолок. Все четверо, включая тренера.

– А потрясти их пробовали? – спросил Вадька.

– Будь они грушами, с них бы уже все ветки осыпались, – меланхолично сообщил восседавший на краю Кисонькиной койки Сева. – Но, если хочешь, можешь и ты попробовать.

Вадька ухватил за плечи Ромку и изо всех сил тряхнул:

– Вставай! Иди на взвешивание! Это я, этот... как его... великий сэнсэй Такэда Бяка... Нет, Кака... А, вспомнил, Такэда Сокаку, тебе приказываю!

Ромка поглядел на Вадьку вполне осмысленным, но совершенно равнодушным взором.

– Не похож ты на Такэда Сокаку! – заявил он и отвернулся к стене.

– О! – неожиданно возрадовался Сева. – У нас и того не получалось!

Вадька повернулся к друзьям.

– Им на это взвешивание обязательно? – поинтересовался он. – Все-таки, если до самого чемпионата еще два часа, – может, очухаются?

– Я спрашивала у парня, который в дверь постучал, – хмуро ответила Катька. – Он поглядел на меня как на идиотку и сказал, кто не взвесится, того не распределят по весовым категориям, а кого не распределят, тот в чемпионате не участвует.

Их троица мрачно уставилась на равнодушную к окружающему миру компанию на койках. Получается, хоть они и избавились от «ниндзя», те все же сумели добиться своего – вывести ребят из чемпионата! Вон, лежат себе и в ус не дуют, даже их тренер, у которого есть во что дуть! А потом очухаются и будут выть – как же мы все пропустили, не стали чемпионами!

– А если им зеленого чаю дать? – жалобно предложила Катька.

– Ведро, – сказал Сева.

– Ведро зеленого чая?

– Ведро холодной воды на головы! – невозмутимо пояснил Сева. – А иначе как вы в них этот чай вольете – через воронку? А после воды можно уже и чай – если хотите, тоже ведро, – согласился Сева.

Они снова поглядели на спортсменов и их тренера. Мурка бездумно разглядывала собственные пальцы. Кисонька теребила кончик простыни.

– Душ в конце коридора, – не сулившим ничего хорошего тоном сказала Катька.

– Пойди посмотри, чтобы никого не было, – согласился Вадька, рывком поднимая Мурку с постели. Рыжая не сопротивлялась.

Коридор, к счастью, оказался пуст, хотя за закрытыми дверями комнат слышалось активное шевеление жизни. Уже привычно подгоняя, подпихивая и почти волоча приятелей на себе, они доставили троицу спортсменов и тренера к душевой.

Внутри пахло «застарелой чистотой»: скопившейся в выщерблинах кафеля водой, хлоркой для дезинфекции и гниющим деревом – от потемневших досок поддонов в душевых кабинках. Из закрепленной под потолком широкой, как обеденная тарелка, розетки душа со сводящей с ума монотонностью капала вода.

– А раздеваться им как? – смущенно выдавил Сева, разглядывая футболки и спортивные брюки девчонок. Ни ребята, ни тренер с дороги так и не переоделись.

– Это лишнее, – буркнул окончательно озверевший Вадька и с силой толкнул обеих близняшек в спины, впихивая их в кабинку. Следом влетели Ромка с тренером. Вадька крутанул вентиль и отпрыгнул в сторону.

С грохотом летнего ливня ледяные струи рухнули на головы. Футболки, брюки, длинные волосы девчонок мгновенно набрались воды. Кусающиеся лютым холодом потоки барабанили по плечам, заливали лица.

Первой оживилась Мурка. Она попыталась шумно вздохнуть, набрала полный рот воды, замотала головой и, все еще толком не приходя в сознание, на одних рефлексах, попыталась выползти из-под ледяного душа.

– Э, нет! – объявил Вадька, заталкивая ее обратно, – рукава его рубашки мгновенно намокли. – Ты сперва глазки открой как следует.

– А я еще думал, это мы, тренеры, жестокие люди, – вдруг четко сказал тренер и зафырчал, как морж, сам подставляя лицо колючим струям.

Кисонька запрокинула голову – струи били ее по лицу, стекали по прилипшим к спине волосам – и наконец хрипло прошептала:

– Вы что с нами делаете?

– Это мы вас так в себя приводим, – любезно сообщила ей Катька. – Вы лучше очухивайтесь скорее, а то хуже будет.

– Хуже? – Сквозь висевшую вокруг нее сплошную пелену воды Мурка попыталась оглядеться по сторонам. Похоже, ее затуманенные мозги безуспешно соображали, какое такое «хуже» для них приготовлено. Правда, и Вадька в относительно здоровом рассудке тоже не представлял, что может быть хуже ледяного водопада.

– Все, я уже в норме, – заявил тренер, бочком-бочком выбираясь из-под душа. Вопреки собственному заявлению, он тут же покачнулся, но на ногах удержался. Цепляясь за гладкие кафельные стенки, его ученики выползли следом. Застыли посреди душевой, хлопая глазами.

– Не спи, замерзнешь, – оптимистично подбодрил их Сева.

– Аг-га, – согласно выдавил Ромка, начиная мелко трястись под насквозь мокрой одеждой. С его штанов на кафельный пол набежала внушительная лужа.

– Под душ засунули, а полотенца взять не догадались! – рявкнул тренер, и в голосе его прозвучали уже знакомые командные нотки. – В комнату, бегом, пока вы мне всех спортсменов не застудили! – И он на подгибающихся ногах заковылял к двери.

– И это вместо спасибо! – возмущенно фыркнул Сева, подставляя плечо шатавшейся Кисоньке.

Их компания вывалилась из душевой...

Перекинув через плечо веселенькое розовенькое полотенчишко, перед ними стоял давешний ночной дедок.

– Д-доброе утро, патриарх, – заикаясь, поздоровался с ним тренер. У него даже усы обвисли от смущения.

– Здравствуй, мальчик, – кивнул лысой головой тот. Недоуменно поглядел на насквозь мокрых ребят. – Что это ты такое с детьми делаешь?

– А это... – не выпуская обвисшую на нем мокрую Мурку, Вадька высунулся из-за спины тренера, – все та же новая система! Вторая часть: после расслабления – взбадривание! Вот увидите, какие они на татами бодрые будут!

– Вы их перед взвешиванием выкрутить не забудьте, иначе пара лишних кило обеспечена, – напомнил дедок и скрылся в душевой.

– Господи! – у тренера вырвался стон. – Не хватало, чтобы сам патриарх догадался, в каком я состоянии! – Он заковылял дальше и уже у двери бросил, не оборачиваясь: – Спасибо. Без вас мы, пожалуй, и не очухались бы... – Он рванул дверь их комнаты, которую в спешке они так и бросили незапертой, и вдруг замер на пороге, не шевелясь. Потом повернулся, медленно и аккуратно, словно тяжелобольной. И отдельно сказал: – Я, наверное, под душ вернусь. Я, кажется, не совсем в себя пришел. Чудится всякое...

– Какое? – испуганно спросил Вадька. После буйства и апатии только глюков не хватает!

– Там, в поезде... Мне всякое мелкое зверье под ногами мерещилось, – смущенно признался тренер. – Собаки, попугаи... А с одним гусем я вроде даже обнимался. – Выражение его лица стало совсем несчастным.

– Ну и что? – раздраженно переспросил Вадька.

– А то, что остальное зверье исчезло! А гусь-то остался! – испуганно тыча пальцем в уютно устроившегося на раскладушке Евлампия Харлампиевича, вскричал тренер.

Глава XII Все на весах

Мрачно прихлебывая из чашки где-то раздобытый Катькой зеленый чай, тренер с глубокой тоской поглядывал на приятелей своих бойцов. Он их высадить хотел, а они вот – до места всех доволокли, возились, ухаживали, как за младенцами... Тренер содрогнулся. Неужели он и правда убеждал всех, что без «зверушки» не уснет? Они с Евлампием Харлампиевичем поглядели друг на друга – и оба недовольно отвернулись. И как он умудрился дойти до такого состояния? И что это был за баллончик?

– Взвешивание через час, – напомнил Вадька.

Все другие мысли моментально вылетели у тренера из головы.

– Ну и как они пойдут в таком состоянии? – Он с отвращением поглядел на своих бойцов, уже вытертых жесткими полотенцами и упакованных в сухие и теплые свитера.

– Мы пойдем... Мы дойдем... – Кисонька попыталась подняться, но колени у нее подломились и она плюхнулась обратно на койку – ее попросту еще не держали ноги.

Вадька кусал губу. Они слишком много пережили с этой трижды проклятой поездкой, чтобы теперь отступить!

– А сколько в них? – бесцеремонно спросил он, разглядывая девчонок и Ромку, будто тушки, которые он собрался приобрести на вес.

– В девчонках по тридцать пять кило, больше им даже на полкило прибавлять нельзя, иначе в следующую весовую категорию переведут, а там все девчонки выше и мощнее, они потеряют преимущество...

– А я тридцать четыре вешу, – похвасталась Катька.

– Нашла чем хвастаться, – фыркнул Сева, иронически разглядывая кругленькую Катьку. – Ты их на три года младше и на голову ниже, а весишь почти столько же!

– А на этом взвешивании... документы какие-нибудь предъявляют? – раздельно спросил Вадька, не отрывая взгляда от сестры. – С фотографиями?

– Паспорт спортсмена, – рассеянно ответил тренер, вытаскивая из сумки три зеленые книжечки. – Но не на взвешивание, мы их отдельно сдаем...

– Нет! – отчаянно завопила Катька. Она слишком хорошо знала своего брата, чтобы не понять, что у него на уме.

– Да! – восторженно заорал тоже все сообразивший Сева. – Мы выиграем еще час, а за час они очухаются! Очухаетесь же? – Он повернулся к сидевшим на кроватях друзьям.

– Пос-сораемс-сь... – заплетающимся языком сказала Мурка.

– В случае чего мы вас опять под душ засунем, – «успокоил» их Сева.

Все трое вздрогнули и принялись сосредоточенно тянуть чай.

– Но я же младше! – запротестовала Катька. – И я не рыжая!

– Большое дело! – И прежде, чем кто-нибудь успел хотя бы охнуть, Сева вытащил из кармана перочинный ножик, подскочил к Мурке и одним стремительным движением отхватил рыжую прядь у ее виска. Девчонка дернулась, расплескивая чай... А Сева уже заправил отрезанный локон под Вадькину бейсболку и нахлобучил ее Катьке на голову так, что ее собственных волос стало совсем не видно. Только рыжая прядь болталась вдоль щеки, как тряпочка. – Пусть теперь кто-нибудь осмелится сказать, что ты не рыжая! – с торжеством объявил он.

– Эй, а почему у Мурки? – возмущенно завопил Вадька. – Мог бы у Кисоньки отрезать!

– Ну хочешь, сам у Кисоньки отрежь, – великодушно предлагая Вадьке нож, разрешил Сева. – Так будет справедливо!

– Нет! – в ужасе завопила Кисонька, прикрывая руками прическу. От страха у нее даже речь улучшилась. – И вообще вы не можете идти! Вы же ничего в этом не понимаете!

– Можно подумать, за вас кто-то драться собрался! На весы залезут – и все! Катька за вас двоих, а Вадька – за Ромку! – продолжал командовать Сева.

– Почему я? – снова возмутился Вадька, уже пожалевший о своей идее.

– Я тощий, могут не поверить, – отрезал Сева. – А тебя... гм, больше, это у вас семейное. – Он злорадно покосился на Катьку.

– Добиваться, чтобы спортсмен стал легче, мне приходилось, – бормотал тренер, помогая Вадьке рассовывать по карманам извлеченные из его рюкзака гаечный ключ, отвертку, связку каких-то инструментов. – Но чтобы он стал тяжелее... – Тренер покрутил головой. – Ты что, парень, слесарь, раз с собой такое возишь? – Он поправил на Вадьке великоватую ему Ромкину куртку от спортивного костюма. – Очкиними! С плохим зрением не допускают. Ладно, пошли, на взвешивании сейчас народу полно, никто к вам особо присматриваться не будет.

– Вы сами-то дойдете? – проворчал Вадька, критически оглядывая тренера.

– Мне-то не драться, – ответил тот, выползая из комнаты.

Цепляясь за перила – у Вадьки без очков предметы перед глазами расплывались, – они с Катькиной помощью кое-как слезли по ступенькам, пересекли двор и вошли в здание спорткомплекса. За крохотным предбанником располагались многочисленные двери. За их стеклами виднелись то похожие на стальных жуков тренажеры, то одиноко свисающие с потолочной балки боксерские груши, то слышался стук теннисного мяча и азартные возгласы. Мимо них по лестнице на верхний этаж волокли какие-то доски. Тренер направился туда же.

Позади, у распахнутых входных дверей, послышался шум подъехавшей машины, потом хлопнула дверца, затоптали быстрые шаги. Мимо, прыгая через ступеньку, пробежал высокий холеный мужчина.

– О, Карташов, ты тут? – В голосе его звучало легкое удивление. – А говорили... Ладно, неважно. Пошли быстро со мной, у нас рефери, как всегда, не хватает! И по весовым еще не всех расписали – опять на час позже начнем...

В глазах тренера вспыхнула безумная надежда. Час! Лишний час! Об этом можно было только мечтать!

– Привет, Серега. Я не могу, у моих взвешивание.

– Это, что ли, твой? – Темные брови на красивом лице поползли вверх. Он перевел взгляд на Вадьку и Катьку. Под этим взглядом девчонка невольно потянула козырек бейсболки ниже на лоб, так что прицепленная к ней рыжая прядь едва не вывалилась.

– Да... Нет-нет, – торопливо отрезал тренер. – Они сейчас... потом... подойдут!

– Так сейчас или потом? – усмехнулся Серега. – Сами взвесьются, в первый раз, что ли! Ну пошли, пошли... – Подталкивая в плечо, он повел тренера прочь.

– Наверное, этот Серега наших знает, – шепотом предположил Вадька. – Ладно, попробуем и правда сами взвеситься, авось ничего особенного от нас не потребуется.

Вадька нерешительно двинулся вверх по лестнице. Перед ними открылся очередной длинный коридор.

– Слышь, пацан, где тут взвешивание? – окликнул Вадька пробегающего мимо мальчишку в белой футболке и черных спортивных штанах.

– Nem tudom⁵, – бегло улыбнувшись, бросил пацан.

– То вянгры. – Набегая сзади, с ними поравнялся другой пацан, постарше. – Они по-русски не очень. Пошли, покажу, где взвешивание. Я Николай, з Бялоруси, клуб «Штурм». – Он протянул руку сперва Катьке, потом Вадьке.

⁵ Не понимаю (венг.).

– «Боевая Школа», – с некоторым трудом вспомнив название клуба, в котором занимались близняшки, пробормотал Вадька. – Тихон... То есть Лавров, да, Лавров. И Косинские. – Он кивнул на Катьку. – То есть Косинская... Одна.

– Та вижу, что ее не две, – пошутил белорус.

– А немцы тут есть? – торопясь сменить тему, спросила Катька. – Или англичане?

– Еще ня знаю, – позевывая, ответил Николай. – Обычно они до нас ездить не любят. Говорят, злые мы, – он сверкнул улыбкой. – Дяремся жестко. – Он фыркнул. – Хочешь мягко – на подушках дерись! Нам сюда.

Через громадный спортивный зал к одним-единственным медицинским весам тянулась длинная шумная очередь мальчишек и девчонок. Очередь шла волнами, словно вычерченный неверной рукой график спадов и подъемов, – то высоченные взрослые парни с таким разворотом плеч, что становилось непонятно, как они вообще в дверь проходили, то вдруг тощие заморыши, то тоненькие изящные девушки, похожие скорее на танцовщиц, чем на грозных бойцов. Между ними вклинивались мелкие, взрослым по колено, пацанята.

– Там наши стоят, считайте, что мы и вам място заняли. – Новый знакомый быстро провел их почти к началу очереди.

Его команда – еще двое парней и две девчонки в черных спортивных штанах и белых футболках, – доброжелательно улыбаясь, принялась пожимать ему руки. Опять пятеро в черно-белом, успел смутно насторожиться Вадька, но тут же вспомнил, что на нем самом и на Катьке надеты темные спортивные штаны и светлые футболки, да и сыпавшиеся со всех сторон вопросы не давали времени на раздумья.

– Ты в каком весе работаешь? А разряд какой? Вы на ката тоже или только на кумитэ приехали?

«На поезде мы приехали!» – чуть было не ляпнул Вадька, погребенный под потоком незнакомых слов. Но совсем добила его следующая просьба.

– Лапу мне поддержишь? – попросил его Николай. – Хочу набивочку постучать, а то мы только недавно приехали, засыпаю на ходу.

«Хорошо хоть, не заднюю ногу! Только где у человека лапа?» – подумал Вадька в панике. Николай явно ждал ответа. Вадька судорожно кивнул и... крепко взял его за руку.

Парень вырвался.

– Шутишь, да? Так поддержишь лапу? – сказал он, указывая на овальную жесткую подушку с ремнями.

До Вадьки начало что-то доходить. Он наклонился над подушкой. На задней стороне оказалось что-то вроде ременной ручки, подушка походила на рыцарский щит, и держать ее, наверное, следовало как щит. Вадька просунул руку в ремни и выставил подушку перед собой. Николай, крутанувшись на одной ноге, второй вlepил по подушке. Вадьку унесло. Казалось, его ураганом проволочило по гладкому полу и с размаху швырнуло на спину. Ноги взлетели выше головы. Послышался топот, и над ним навис Николай:

– Как ты драться будешь, если совсем удар ня удержишь? – без особого сочувствия, скорее с удивлением спросил он, поднимая Вадьку. – И стойка у тябя неправильная. – Вдруг он замолчал, разглядывая что-то под ногами. Присел на корточки... и поднял с пола Вадькины очки, вывалившиеся из кармана спортивной куртки. – Ты что... от врачей скрываешь, что видишь плохо? – глядя на Вадьку сверху вниз, тихо спросил он. – Вообще странный ты какой-то. – В глазах его появилось подозрение.

Вадька почувствовал, как у него обрывается сердце. Стоило избавляться от «ниндзя», чтобы теперь подвести ребят на дурацком взвешивании?

– Колька! Ты что там застрял, твоя очередь! – закричали от весов.

Николай сунул Вадьке его очки и рванул к весам.

– 53, 800! – громко выкрикнула медсестра, даже не взглянув на мальчишку. – Весовая категория пятьдесят пять килограммов! – И она наклонилась сделать запись в разлинованных бумагах.

Вадька замешкался перед весами, озираясь. Он вдруг ощутил, словно кто-то надавил ему на затылок, почувствовал устремленный на него выжидающий, внимательный взгляд. Он начал осматриваться по сторонам...

– Нашел время оглядываться, – буркнула Катька, отпихивая его в сторону, и ступила на холодную металлическую поверхность весов, бормоча:

– Косинская... – она чуть было не ляпнула: «Мурка», но в последнюю секунду успела сообразить: – Алла.

Снова не глядя на вставшую на весы девочку, полная медсестра кончиком пальца передвинула блестящие металлические гирьки по шкале. Стальная стрелка закачалась.

– 34, 200, весовая – тридцать пять килограммов, – бросила медсестра и отвернулась сделать запись.

Наглая Катька соскочила с весов – и тут же вспрыгнула на них снова.

– Косинская, Элла, – уже более уверенным тоном объявила она. И чего было вообще бояться, если эта тетка на людей даже не смотрит?

– Эта девочка здесь уже была, – монотонно сказала медсестра.

– Они сестры, близнецы, – вмешался Вадька.

– Штаны у них тоже близнецы? – внимательно разглядывая пятно на коленке Катькиных спортивных штанов, сказала медсестра. – Скажи своей сестрице, чтобы не считала себя самой умной и шла взвешиваться лично!

– Мы ей сейчас же скажем, – бросил Вадька, сдергивая Катьку с весов, и поволок ее сквозь толпу.

Ему вслед внимательно глядел Николай. И на лице его было написано разочарование. Словно он ждал чего-то важного, но так и не дождался. Увидев, что Вадька оглядывается на него, белорус круто повернулся и побежал к своей команде. Тесно сгрудившись, трое мальчишек и две девчонки зашептались о чем-то, бурно жестикулируя... и то и дело поглядывая Вадьке с сестрой вслед.

– Где мы возьмем мне сестрицу? – пропыхтела Катька, когда перепуганный Вадька потащил ее вон из зала. – Мне и брата-то много... Ты почему не взвесился, струсил?

– Дура! – огрызнулся на непонятливую малявку брат. – Видела, как этот Николай на нас смотрел? Не знаю, чего ему надо, но я у него на глазах взвешиваться не собираюсь. Сейчас тебя переоденем и идем в самый хвост. О, раздевалка! Найдем тебе другие штаны!

– Украдем? – вскрикнула Катька, выдергивая у него руку.

– Позаимствуем! Взвесишься – обратно положим! Давай, я в мужскую, ты – в женскую! – И он нырнул за дверь.

Катька наскорю заглянула в свою раздевалку, убедилась, что там шмоток нет, и вернулась обратно. Вадьки тоже все не было. Она подождала и наконец, не выдержав, сунула нос в мужскую раздевалку:

– Нашел что-нибудь?

– Нашел, – странным голосом ответил брат.

Катька шагнула внутрь... и ахнула. Брат стоял, держа на растопыренных руках черные спортивные брюки. Штанины свисали сплошными лохмотьями, словно... словно их собаки драли.

На скамейке, сложенные аккуратной стопкой, лежали еще четыре пары таких же драчных штанов.

– А как же следующий поезд – через двенадцать часов? – жалобно протянула Катька, глядя на брата перепуганными глазами.

– Откуда я знаю – как? Автобусом, машиной, да хоть на дрезине, – скрывая переполнявшую его растерянность, пробурчал он.

Приглушенный стенами раздевалки, из зала зарокотал грозный голос:

– Тренеру Карташову подойти к медицинской комиссии. Тренеру Карташову немедленно подойти к медицинской комиссии!

* * *

– Говорю вам, они здесь!

– Где? Ты их видишь? – придерживаясь за притолоку – ее еще шатало, – Кисонька покрутила головой, оглядывала зал. Зал жил своей бурной жизнью. Толпа роилась все сильнее, обтекая квадраты татами. У стен наскоро ставили скамейки для зрителей. Вдалеке, на другом конце зала, у самых весов, кто-то держал лапу для партнера... Стойка у державшего была совершенно дурацкая, неудивительно, что он улетел от первого толчка. Кисонька с торжеством заключила: – Нет их! Я так и знала, что ничего не получится!

– А вдруг они уже взвесились? – нерешительно предположил Сева.

Кисонька испепелила его презрительным взглядом:

– При такой очереди?

– Вот и хорошо, что не взвесились, – рассудительно сказала Мурка. – Представляете, какие неприятности могут быть при подмене спортсмена? Так что мы пошли в хвост, а ты ищи ребят и тренера, – велела она Севе. – Скажешь, что мы уже сами... – И, все еще ступая слегка неуверенно, они двинулись к концу очереди на взвешивание.

– Может, сперва ребят найдем? Мало ли что? – неуверенно предложил Сева.

Но ни девчонки, ни Ромка не ответили, лишь Кисонька выразительно постучала по часам, намекая на отсутствие времени.

Сева с сомнением поглядел им вслед – нет, он очень хотел, чтобы они очухались, но... лучше бы это произошло чуть позже. Да и не очухались они еще толком – слабые, как котята. Не могли подождать, пока Вадька с Катькой вернутся! Нет, галдеть начали: «Все догадаются, что они – не мы, нас отстранят от участия...» Ну и где теперь ему ребят искать? Сева побрел сквозь толпу. Увидел знакомые Катькины хвостики, выбившиеся из-под кепки, черные спортивные штаны, белую футболку. Он протолкался вперед, ухватил девчонку за плечо.

– Slucham pana? – церемонно поинтересовалась совсем незнакомая девочка.

– Pzepszazam⁶, – вспомнив общение с польскими «челноками», извинился он.

Девчонка кивнула и снова принялась прилаживать на ноги странные тапочки, не тапочки, непонятно что – без подошвы, зато плотно закрывавшие сверху пальцы и пятку. У самого выхода из зала сквозь толпу вроде промелькнули знакомые фигуры – Сева кинулся туда и еще успел увидеть, как те двое скрылись в раздевалках. Мальчишка остановился – не они, Вадьке с Катькой в раздевалках делать нечего. Он вернулся в зал и растерянно оглядел клубившийся вокруг народ, кляня себя за то, что не напомнил ребятам взять с собой мобилки. Сейчас что бы проще – позвонил, и все!

Над залом, резко усиленный микрофоном, зарокотал грозный голос:

– Тренеру Карташову подойти к медицинской комиссии. Тренеру Карташову немедленно подойти к медицинской комиссии!

Сева заметался в толпе. Потом круто повернулся и принялся отчаянно протискиваться к медицинским весам. Он просто чувствовал – неприятности, о которых все талдычили близняшки, организовались во всей красе.

⁶ Слушаю пана? – Извини (польск.).

* * *

...Кисонька ступила на весы первой:

– Элла Косинская.

– А, явилась все-таки, – проворчала медсестра, двигая гирьки по шкале. – Скажи спасибо, что я тебя судейской коллегии не сдала, и никогда больше так не делай.

– Спасибо, – на всякий случай сказала вежливая Кисонька и глубоко задумалась, что именно она должна никогда не делать. Мысли текли вяло, и додуматься никак не удавалось. Она сползла с весов, вместо нее на металлическую платформу влез Ромка. Потом шагнула Мурка...

– Косинская Алла...

– Вот страсть у тебя – по второму разу взвешиваться! – неожиданно для девчонки возмутилась медсестра. – Или у тебя еще одна сестра есть?

– У меня? – только и нашлась, что переспросить, растерявшаяся Мурка.

– Есть! – торжествующе выпалил позади них чей-то голос и тут же громко заорал на весь зал: – Попытка подмены бойцов! Прошу подойти судейскую коллегию! Бойцы Карташова – подставные!

Над залом, резко усиленный микрофоном, зарокотал грозный голос:

– Тренеру Карташову подойти к медицинской комиссии. Тренеру Карташову немедленно подойти к медицинской комиссии!

* * *

Гул прокатился по толпе, и народ начал продвигаться поближе, стремясь разглядеть источник скандала. Ромка и девчонки невольно сгрудились поближе друг к другу, настороженно поглядывая по сторонам. Распихивая любопытствующих, к медицинским весам выбрались судьи – один в военной форме, двое в белоснежных рубашках, при галстуках-бабочках. Позади них, с лицом, совершенно мертвым, как у осужденного преступника на эшафоте, не поднимая глаз, брел тренер Карташов.

– Что тут у тебя, Марат? – поинтересовался военный, оглядывая жавшуюся к медицинским весам троицу.

Ребята впервые поглядели на своего обвинителя. Мужик как мужик, только мрачный очень и глядит на них, словно они у него как минимум кошелек пытались спереть, а он их поймал на горячем...

– Вместо своих бойцов тренер Карташов выставил на взвешивание других! – торжествующе ответил тот, кого называли Маратом.

Офицер посерьезнел:

– Что же ты, Карташов? Весовую категорию поменять хочешь, на диету их посади...

– Клянусь, я не... – не поднимая глаз, тоном обреченного забормотал тренер.

В выпущенные из-под кепки Муркины пряди вцепилась грубая рука.

– Доказать очень просто, – победно ухмыльнулся схвативший Мурку за волосы Марат. – Если бойцы настоящие – зачем тогда девочке накладные патлы? – И он что было силы дернул Мурку за волосы.

Девчонка взвыла, извернулась и ребром ладони от всей души саданула его по запястью. Мрачный Марат взвыл в ответ, перехватил ее руку... И тут Мурка увидела лицо своего тренера – широко распахнутые, не верящие своему счастью глаза.

– Какого черта ты мне девчонку калечишь? – немедленно заорал Карташов, вклиниваясь между ученицей и чужим тренером. – Все у нее настоящее, и бойцы мои – настоящие!

На, смотри! – Он выхватил из кармана спортивные паспорта ребят и принялся тыкать всем под нос фотографии на первых страницах.

– Как же настоящие, когда... – забормотал Марат, пытаясь снова дотянуться до Муркиных волос. Девчонка хотела отпрыгнуть назад, но прыжка не получилось, ноги у нее подломились, и она плюхнулась прямо на весы.

– Настройку собьете! – завопила медсестра.

– А у мальчишки очки, – уже растерянно сказал Марат. – Он их в кармане прячет.

Не вдаваясь в долгие объяснения, Ромка вывернул карманы своих штанов – никаких очков не было.

– Ну, убедились? Убедились? – все еще размахивая паспортами, торжествующе вопил тренер.

Но его противник не собирался сдаваться. Он нахмурился, напряженно что-то соображая, а потом повернулся к медсестре.

– Эти ребята, – спросил он, указывая на близняшек и Ромку, – они сейчас взвешивались, или кто-то вместо них?

Троица спортсменов украдкой переглянулась – мужик оказался догадливым. Если бы они не нашли в себе сил спуститься... Даже додумывать было страшно!

– Здесь больше ста человек, я могу всех помнить? – возмутилась медсестра, но после недолгой паузы добавила: – Мальчик и вот эта девочка, – она безошибочно указала на Кисоньку, – взвешивались только что... А вот эта девочка... Алла... – палец уткнулся в Мурку, – почему-то попыталась взвеситься во второй раз. Она уже была у меня раньше. Во всяком случае, по списку, – неуверенно добавила медсестра и воззрилась на Муркины штаны.

– И зачем же ты, деточка, по второму разу на весы полезла? – с ласковостью кобры прошипел Марат.

– По рассеянности. – Испуганная Мурка вдруг обнаружила, что рядом с ней стоит запыхавшийся и всклокоченный Сева. – Задумалась, вот и пошла снова взвешиваться...

Над толпой повисло молчание. Офицер открыл было рот, кажется, собираясь закруглить ситуацию. Но тут толпа неожиданно заволновалась снова – Мурка едва слышно застонала. Торопясь изо всех сил, хрипло дыша... на середину человеческого кольца вывалились Вадька с Катькой и попятились, увидев устремленный на них злой взгляд Марата.

– Вы кто? – быстро спросил тот.

– Лавров, – выпалил Вадька, весьма гордый, что на сей раз не сбился и не перепутал. – И Косин... – И тут он увидел близняшек и Ромку.

Глаза у Вадьки стали совершенно безумными, он принялся хватать ртом воздух, будто крепко получил под дых.

– Так, так. Мальчик с очками в кармане – и тоже Лавров? Девочка с накладным рыжим локоном – и тоже Косинская. – Марат потянул за торчавшую из-под Катькиной бейсболки рыжую прядь, и та легко осталась у него в руках. На губах его играла зловещая улыбка. – Вот они, доказательства! Сами прибежали!

Всех от тренера и до Катьки накрыло невыносимое ощущение – пропали! Доказательства-то и правда неопровержимые...

– Доказательства чего? – ехидно поинтересовался Сева. – То, что этот парень тоже Лавров, – Сева указал на Вадьку, – доказывает только... что он Ромке Лаврову родной брат! – выпалил Сева.

Ромку и Вадьку – обоих – дружно передернуло.

– Ага, родной-двоюродный, – мрачно согласился Вадька.

– А девочка... – продолжал фантазировать Сева. – Она... Фанатка! Всюду за Косинскими бегают, вон, у Мурки даже прядь волос отстригла! – указывая на изувеченную Муркину прическу, вскричал он.

– И штаны ее она тоже носит? – приглядываясь теперь уже к Катькиным штанам, недоверчиво спросила медсестра.

– Это еще что! – Севу несло. – Она у них даже зубные щетки ворует! Говорю же, фанатка!

Стоявшие вокруг люди поглядели на Катьку с явным неодобрением. Кое-кто даже попятился. Катька уставилась на Севу – обладай ее взгляд волшебной силой, Сева бы вспыхнул и тут же сгорел, как головешка, – стиснула зубы... и промолчала.

– И вообще, никто ни за кого не взвешивался – они просто ребятам очередь занимали! Что тут плохого? – патетически спросил Сева, проникновенным взглядом глядя на судьей.

– Но мне точно сказали... – начал Марат.

– Ошибся ты, Марат, – вздохнул офицер. – Бывает... Вы, ребятки, идите, готовьтесь, – велел он близняшкам и Ромке. – И от всяких фанаток держитесь подальше. – Он пронзил грозным взглядом красную как рак и злющую, как взбесившийся тигр, Катьку.

В этот момент близняшки и Ромка решили, что лучше побыстрее убраться подальше... и очень постарались это сделать. Все еще дрожавшие в коленках, Кисонькины ноги подогнулись, и она едва успела ухватиться за Севу, чтобы не грохнуться. Потерявший равновесие Ромка с размаху чуть не впился в Марата.

– А почему это твои бойцы на ногах не держатся? – радостно вскинулся тот.

– Что он к моим привязался?! – завопил Карташов. – Мы будем чемпионат проводить или дурацкие обвинения слушать?

– Действительно, господа... – произнес от двери барственный голос. – Вы тут свои взаимоотношения улаживаете, а мне бы хотелось увидеть, ради чего я сюда явился в такую рань?

В проеме, всем своим видом подчеркивая, что именно он здесь главный, стоял плотный, очень ухоженный, немолодой мужчина. Дорогой темный костюм, уложенные волосок к волоску седые волосы, тускло блеснувшие платиной часы на запястье – все говорило о немалых деньгах. Впрочем, и рыхлый толстяк в свитере, и молодой, хотя и здорово потасканный парень в кожаной куртке, явившиеся вместе с ним, тоже не могли пожаловаться на бедность. Рядом с ними крутились холеные девицы в вечерних платьях, выглядевших совершенно по-дурацки ранним утром в забитом спортсменами зале. За их спинами торчали двое накачанных парней, в которых безошибочно можно было узнать охрану. И уж совсем на заднем плане мелькали еще люди, кажется, с камерами.

Все в зале повернулись к дверям, уставившись на вновь прибывших. И только Вадька глядел совсем в другую сторону. Марат чуть отшагнул вбок – и за спиной у него обнаружился их утренний знакомый Николай. Мальчишка тоже пристально, исподлобья глядел на Вадьку, – и лицо его было просто исковеркано досадой.

Глава XIII

Чужая публика

– Так не бывает! – сказала Мурка с такой убежденностью, что Вадька даже на миг поверил – все, что они видят своими глазами, сейчас возьмет и исчезнет. Потому что – не бывает!

– А мне нравится! – Сева с удовольствием поглядывал на квадрат пола между двумя татами, где четверка танцовщиц лихо вертела перед публикой юбки в блестках.

– Не в том дело, нравится – не нравится, – взвилась Мурка. – А в том, что мы на чемпионатах России, Украины выступали – нигде такого не было! Ну, детский ансамбль попрыгает, ну, на экскурсию в последний день свозят... А публика? Это не наша публика! – яростно тыча пальцем в рядами поднимавшиеся вдоль стен зала скамейки, выпалила она. – Наша публика – родители, бабушки-дедушки, приятели и сами бойцы! Не бывало такого, чтобы наших гнали от татами, потому что этим не видно! – Стоявшая в дверях спортивного зала Мурка презрительно поглядела на оккупировавшую трибуну публику.

Воткнутых по углам зала скамеек было совсем немного – и самые удобные из них, те, с которых открывался лучший вид на оба татами, заняла та самая тройка состоятельных господ со свитой. Подобрал длинные подолы и с трудом ковыляя на высоченных каблуках по узким проходам, барышни пристроились рядом со своими покровителями. На лицах их застыло мученическое выражение – доски скамеек были жестковаты. Вокруг хозяев расселась охрана, оттеснив тех, кого Мурка называла «нашей публикой», к самым краям. Вадька видел, как многие усаживались прямо на полу, подмостив под себя привезенные коврики и аккуратно раскладывая вокруг снаряжение, сменные футболки бойцов, термосы. Видно было, что располагаться в спортивных залах таким вот цыганским табором для этих мам-пап и прочих сопровождающих лиц – дело привычное. Кто-то уже кивал знакомым, мамаша восьмилетнего бойца из Румынии приветственно махала маме девятилетнего бойца из Украины, на странном языке, состоявшем из пары английских слов и бурной жестикуляции, вспоминая, на каком чемпионате они виделись в последний раз. По углам шли торопливые переговоры об обмене снаряжением. Состоятельные господа глядели на эту бурную жизнь с брезгливым недоумением королевы французской Марии-Антуанетты⁷, не понимавшей, почему крестьяне голодают без хлеба, когда можно есть пирожные! На их физиономиях было четко написано желание отдать приказ охране и вытурить всю эту шумную толпу вон. Но что-то их удерживало. Пока.

Вадька обернулся к холеной публике на трибуне:

– Приятель вашего тренера, Серега... Которого мы на лестнице встретили...

– Сергей Валдин, – рассеянно откликнулась Мурка. – Он за неделю до отъезда к нам в школу приезжал. Его тренер пригласил посмотреть, потянем мы Европу или нет. Правда, мы ему не особенно понравились, говорил, тренер нас мягко готовил, а бойцы приедут серьезные. Валдин – мужик оборотистый. В разных городах крупные юниорские чемпионаты организывает, всюду у него знакомства, так что он хорошо ориентируется...

Вадька кивнул:

– Так вот, Валдин сказал всем, что это – спонсоры.

– Спонсоры обычно устраиваются вместе с тренерами – они обожают выслушивать, какие они молодцы и герои, что поддерживают спорт для настоящих мужчин, – с усталой

⁷ Мария-Антуанетта (1755–1793) – королева Франции, младшая дочь австрийского императора Франца I и Марии-Терезии, супруга короля Франции Людовика XVI. После начала Французской революции была объявлена вдохновительницей контрреволюционных заговоров и интервенции. Казнена на гильотине.

умудренностью вздохнула Кисонька. – Потом они обязательно лезут на трибуну и толкают речь: как, мол, замечательно, что мы, и особенно дети из неблагополучных семей, занимаемся спортом, а не хулиганим на улицах. Как будто не знают, что дети из неблагополучных семей в наше время спортом не занимаются – у них на это просто нет денег! И обязательно следят, чтобы все телекамеры смотрели на них. А тут – глядите... – Как раз в это время одна из установленных по углам татами камер отвернулась от танцовщиц – видно, оператор решил сменить картинку, пройдясь по публике. Охранник моментально сунулся на передний план, прикрывая хозяев от объектива. Оператор испуганно камеру развернул. – И камер никогда столько не бывает, – задумчиво сказала Кисонька.

Вадька вздохнул – еще одна странность добавилась к общему букету необычных происшествий вокруг чемпионата. Хотя по сравнению с попытками выкинуть ребят из поезда непривычная публика – это так, мелочи.

– А кто это такие, я вообще не понимаю! – нервно сказала Мурка, присаживаясь на порожек, – стоять ей было еще тяжело.

Вокруг троицы то ли спонсоров, то ли бог весть кого, позади кольца охраны, действительно крутились несколько любопытных личностей. Одеты они были в строгие костюмы с галстуками, но сейчас пиджаки оказались сброшены на скамейки, рукава белоснежных рубашек были закатаны до локтей, на коленях у каждого лежал раскрытый ноутбук, а вокруг – штук пять непрерывно трезвонивших мобилок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.